
МАРИЯ ВОРОНОВА

~~~~~ роман ~~~~~

ЭХО ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Книги Марии Вороновой для тех, кто не ждет от жизни чудес, а знает, что счастье в семье дается ежедневной заботой, любовью, верностью и преданностью.

А. МАРИНИНА

Большая любовь. Романы М. Вороновой

Мария Воронова
Эхо первой любви

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Эхо первой любви / М. В. Воронова — «Автор»,
2017 — (Большая любовь. Романы М. Вороновой)

ISBN 978-5-04-088936-5

Почти два десятка лет потребовалось Мстиславу Зиганшину, чтобы оставить в прошлом свою первую любовь, красавицу Елену. Но не зря говорят: «Мечта сбывается, когда забудется». Зиганшин полюбил робкую девушку Фриду и наконец добился взаимности. И тут Елена неожиданно вторгается в его жизнь! На первый взгляд судьба ее сложилась как нельзя лучше: она вышла замуж за крупного бизнесмена, родила троих детей, занимается благотворительностью. Но все ли благополучно за этим красивым фасадом, если единственный человек, которому она может доверять, – это бывший жених?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088936-5

© Воронова М. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мария Владимировна Воронова

Эхо первой любви

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Воронова М., 2017

© Адарченко Е., фото на обложке, 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Когда выпадает снег, в Петербурге по вечерам становится тесно и уютно, как на чердаке в старом доме. Темное, затянутое облаками небо висит низко, а серый снег кажется паутиной и вековой пылью, и даже яркие фонари не могут развеять мглу, освещая лишь пятachок пространства вокруг себя, будто свечи или керосиновые лампы. Солнце в это время года заходит рано, а луну или совсем не видно, или можно только угадать по неясному пятну света на пелене туч, окутывающих город.

Темно, мрачно, немного жутко и в то же время ясно, что ничего плохого с тобой не случится до самой весны.

...Зиганшин припарковался возле старинного здания с высокими узкими окнами и, подойдя к входным дверям, взялся за массивную латунную ручку.

Потребовалось довольно много сил, чтобы открыть тяжелую дубовую створку.

Перед тем как войти, он посмотрел вверх: многие из окон уже погасли, но в нужном ему горел тусклый казенный свет. Макс, стало быть, работает или просто сидит в кабинете, потому что дома его никто не ждет.

Миновав суровую бабку-вахтершу, Зиганшин сочувственно вздохнул. Он приехал к Максy Голлербаху за индийским чаем, купленным его родственниками на какой-то ярмарке специально для друга. Конечно, Мстислав Зиганшин мог бы сам приобрести себе сколько угодно чаю любого качества и фасона, но мысль, что у него есть приятели, которые думают о нем во время семейного выхода за покупками, мол, «а давай-ка возьмем пакетик для Мити», была чрезвычайно приятна.

Макс сидел за столом, погруженный в работу, но, увидев на пороге Зиганшина, обрадовался и вскочил.

– Как хорошо, что вы сумели выбраться, – сказал он, коротко и сильно пожимая приятелю руку.

– А я уже боялся, что не застану.

– Что вы, я каждый день сижу допоздна. – Макс с улыбкой показал на свой стол, заваленный бумагами так, что монитор жался на самом краю, как бедный родственник. – Когда уходил из частной клиники, боялся, что у меня окажется слишком много свободного времени, но, слава богу, обошлось.

Зиганшин развел руками, мол, у увлеченного человека всегда найдется, чем заняться на рабочем месте. Странно, он вроде бы одинаково приятельствовал с Максом и с его двоюродным братом Русланом Волчеткиным, но с тем молниеносно перешел на «ты», а с Максом так и застрял на уважительном обращении.

– Кофе? – Голлербах, не дожидаясь ответа, включил чайник и стал сервировать крошечный журнальный столик, притулившийся возле окна.

Зиганшин огляделся: Максимилиан, высокий костлявый мужчина примерно его лет, был очень некрасив, но резкие неправильные черты завораживали и притягивали, как картины Пикассо. Споря с безжалостной природой, Макс пытался выглядеть нарочито аккуратно и консервативно, был всегда безукоризненно одет, тщательно выбрит и стильно подстрижен. Зиганшин помнил, что при знакомстве профессор Голлербах произвел на него впечатление невероятного зануды, а уважение и симпатия появились много позже. Кабинет оказался под стать хозяину. Благодаря старинному высокому окну, или строгим книжным шкафам, или плакату, выполненному на пожелтевшем от старости ватмане и повествующему о каких-то сложных мозговых процессах, сразу становилось понятным, что здесь занимаются серьезной, хоть, может быть, и старомодной наукой, и, если не отвергают с ходу смелую гипотезу, то обязательно приводят ее в приличный и подобающий вид, прежде чем явить миру.

В углу стояла рогатая вешалка, тоже, судя по медным шишечкам, старинная, на которой в строгом порядке располагались модное кашемировое пальто и идеально выглаженный двубортный медицинский халат, тоже слишком консервативный для современного доктора.

Зиганшин, войдя, небрежно бросил свою куртку на спинку стула, а теперь встал и повесил ее так, чтобы влажные от снега рукава не касались халата.

На обратном пути он замер у книжного шкафа. Стена в простых офисных обоях, жиденькая дверца с расшатанным стеклом, корешки книг: солидные кожаные фолианты с золотым тиснением, демократически-академические коленкоревые обложки советского образца и броские новые издания, стоящие вперемешку и неровно, втиснутые между томиками блокноты и стопки исписанных листков – все это так не было похоже на аккуратиста Макса, и почему-то представилось Зиганшину настоящим сгустком мудрости, от эманаций которого он и сам, кажется, немного поумнел.

– Можно? – спросил Зиганшин, показав на шкаф.

– Конечно, пожалуйста, – кивнул Макс с некоторым удивлением, поскольку раньше приятель не давал повода подозревать в себе книголюба.

Осторожно отворив хлипкую дверцу, Зиганшин извлек из плотного ряда книг старый томик в хрупкой картонной обложке с обтрепавшимися углами и быстро его пролистал. Вдыхая еле слышный аромат пожелтевших страниц, он вдруг пожалел, что не было в его жизни науки, корпения над книгами и жадного изучения какого-нибудь предмета от самых истоков. «Я же был не дурак, – подумал Мстислав Зиганшин в приступе светлой грусти по несбывшемуся, – и любопытный парень. Не гений там какой-нибудь, но башка у меня варила. Даже завуч прочила мне карьеру ученого, несмотря на все хулиганства. Но любовь победила во мне тягу к знаниям, и покатилося... Школа милиции вместо универа, звания вместо степеней. В принципе неплохо, но иногда грустно».

Увидев, какую книгу Зиганшин держит в руках, Максимилиан улыбнулся и заметил, что чутье товарища не подвело. Он взял с полки лучшее руководство по психопатиям, написанное за последние сто лет, и хоть издана книга была в тридцатые годы двадцатого века, до сих

пор остается актуальной. До недавнего времени автор книги был для профессора Голлербаха непререкаемым авторитетом, но сейчас его мировоззрение стало меняться.

– Понимаете, Мстислав, – продолжал Макс, отвечая более собственным мыслям, чем собеседнику, – когда я окончил учебу в институте, то приступал к работе с довольно стройной конструкцией знаний в своей голове. Схема, система, называйте, как хотите, но мне казалось, что почти на любой вопрос можно найти ответ и к каждому случаю подобрать соответствующее лечение. Потом в силу разных жизненных обстоятельств стал осваивать психотерапию, и тут тоже у меня все улеглось в логические цепочки. Но чем дальше я работал, чем глубже погружался в свою специальность, тем больше появлялось разных непонятных вещей, которые подтачивали и размывали все мои постройки. В результате теперь я растерян, наверное, даже сильнее, чем когда после института пришел в интернатуру, между тем как моя ответственность стала неизмеримо больше.

Мстислав Юрьевич нехотя признался, что с ним происходит то же самое.

– Наверное, это кризис среднего возраста, – улыбнулся он.

– Вот именно! – с жаром подхватил Макс. – Всем нашим мыслям и делам можно найти какие-то лекала. Разве это правильно?

Зиганшин украдкой взглянул на часы и сказал, что не знает. Неожиданно ему стало хорошо и уютно в этом старом кабинете, где, казалось, даже стены и обстановка насквозь пропитались умными мыслями. Он почти забыл, каково это – сидеть с приятелем и никуда не спешить, и обсуждать что-то, не касающееся работы. А уж такого, чтобы друг делился с ним своими переживаниями просто так, без расчета, Мстислав Юрьевич и не припоминал. То ли от природы, то ли после того, как первая любовь Лена не дождалась его из армии, но, вступив во взрослую жизнь, Зиганшин стал замкнут и нелюдим. В служебных делах проявляя нужную степень общительности, он к себе никого не подпускал и, состоя в превосходных отношениях с коллегами и деловыми партнерами, внутренне оставался совершенно одинок. Даже с сестрой Наташей и с матерью не откровенничал, несмотря на то что очень их любил. Когда Наташа трагически погибла, он сблизился с коллегой, Лизой Федоровой, ее мужем Русланом Волчетькиным и с Максом, но все равно эта дружба носила с его стороны какой-то покровительственный характер: он опекал беременную Лизу, помогал Руслану в некоторых житейских делах, но сам старался выглядеть в их глазах уравновешенным и самодостаточным человеком, уверенно справляющимся со всеми трудностями. «Наверное, это неправильно», – подумал Зиганшин с неприязнью к себе и внимательно посмотрел Максу в глаза, загадав, что если приятель продолжит свою исповедь, то еще не все потеряно.

– Я тоже терял смысл своей работы, а потом со временем налаживалось все. Как, знаете, при генеральной уборке – сначала все перемешивается и сваливается в одну кучу, а потом порядка становится больше прежнего. Диалектика! – Зиганшин нахмурился, вызывая в памяти рудименты философских знаний, которыми был снабжен в школе милиции, – дискретность и континуализм. Этот, как его, скачок!

Макс с улыбкой покачал головой:

– Вы, безусловно, правы, но чем глубже я погружаюсь в свою специальность и чем больше приобретаю опыта, тем иногда яснее мне становится, что мудры были люди в те времена, когда роль психиатра и психотерапевта исполнял приходской священник, – продолжал Макс задумчиво, – хотя вам, наверное, эти все мои метания кажутся дурью и мракобесием.

– Нет, что вы! – замотал головой Зиганшин. – Очень интересно.

– Возьмем книгу, которую вы держите в руках. Очень грамотное описание психопатий, ну и что дальше? Получается, если ты родился психопатом, неизвестно, кстати, по какой причине, то обречен на определенный жизненный сценарий, и круг этот никак не разорвать? Или взять антисоциальных психопатов: что ж поделаешь, раз тебе досталась такая психика, то ты обречен

совершать преступления, стало быть, не ты виноват, а природа? За что тебя судить? Что тебе не повезло с генетикой?

Зиганшин только пожал плечами. Он не вникал в подобные тонкости, считая, что обязан ловить преступников, а дальнейшую их судьбу пусть определяет суд. Но действительно среди правонарушителей попадались такие, чью логику и мотивы бывало трудно, а то и невозможно понять.

– Вот видите, – заметив, что чашка гостя опустела, Макс снова поставил воду кипятиться, – не разумнее ли считать, что бог дал каждому из нас то, что дал, плюс еще свободу воли? Что мы, несмотря на раздражающие нас противоречия и низкие инстинкты, можем найти в себе стойкость духа поступать правильно?

– Не все способны управлять собой и не всегда понятно, как именно будет правильно. В общем даже довольно редко бывает, что это ясно сразу, – вздохнул Зиганшин.

– Поэтому люди издревле просили помощи у высших сил. Помолился, отдал себя в руки божественного провидения – и вроде как легче на душе.

Чайник, сердито булькнув, отключился, и Макс сделал еще по чашке кофе. Зиганшин не особенно любил растворимый, но прилежно пил, чтобы не обижать хозяина.

– Пожалуй, единственное, что я твердо понял за годы работы, это что человеческая психика – бездна. В буквальном смысле без дна, и, пытаясь ее изучить, мы только проваливаемся все глубже и глубже, увязая в паутине ложных смыслов, и никогда не обретем в этом бесконечном тоннеле точку опоры.

– Да, но и бога нам тоже познать не суждено.

Макс покачал головой и нахмурился. Было видно, что эти горькие размышления давно его занимают.

– И все же есть разница, – сухо сказал он, – познавая человека, мы стремимся вглубь, а познавая бога – ввысь.

Зиганшин рассмеялся:

– Как-то получается из ваших тезисов, что человек равен черту. Не то чтобы я спорил с этим постулатом, но все же...

Макс фыркнул и заметил, что когда занимаешься пустословием, всегда приходишь к какому-нибудь дурацкому и неожиданному выводу.

– Простите, что нагрузил вас своей жалкой схоластикой. Я ни с кем это не обсуждал, но, найдя в вас такого приятного собеседника, не удержался.

Неожиданно для себя Зиганшин решил:

– Тогда я вам тоже кое-что про себя расскажу. Это такой вроде психиатрический момент, поэтому даже не буду просить вас никому это не передавать.

– Разумеется, – Максимилиан внимательно посмотрел на собеседника, – врачебная тайна нерушима.

– В общем, я вернулся когда из армии, все вроде было хорошо и много лет меня не тревожили ни сны, ни воспоминания. А потом вдруг, совершенно внезапно, без каких-то, как говорится, провоцирующих факторов, меня накрыло. Это случилось на Петроградской стороне, на Большой Пушкарской. Я увидел взвод солдат, марширующих в баню, и даже не могу передать толком, что вдруг со мной произошло. Словно все годы, прожитые после возвращения, вдруг в одну секунду пронеслись сквозь меня. Или, вернее, ударили под дых, так что я охнул и согнулся. Слава богу, я был один, и никто не увидел моей слабости. Потом такие штуки начали повторяться, и самое мерзкое, что я никак не мог это заранее предвидеть. Допустим, батальную сцену в фильме я смотрю совершенно спокойно, а потом вижу ботинки своей дамы, думаю, что они похожи на берцы, и нате-пожалуйста. Любая мелочь могла вызвать этот кратковременный, даже не знаю, как назвать: страх не страх, ужас не ужас. В общем, как оргазм, только наоборот. Жуткое чувство, что я жив, когда пятнадцать лет назад должен был умереть.

– А в чем это выражалось внешне? – осторожно спросил Голлербах. – Сердцебиение, тошнота?

– Нет, ничего подобного. Просто острейшее изумление, как я прожил пятнадцать лет. Естественно, я, как любой уважающий себя псих, отрицал, что у меня комбат-стресс, и ни к какому там врачу идти не собирался. Беспокоило только одно: не помешают ли мне эти штуки сохранять спокойствие в опасной ситуации? Но, к счастью, выяснилось, что в острые моменты на меня не накатывает. Я приловчился сдерживать свои реакции, когда это происходило на людях, но однажды все же оконфузился: повел свою тогдашнюю даму в кино, причем не на военный фильм, а специально взял билеты на сопливую комедийную мелодраму. Сижу себе такой, расслабился, ни с какой стороны не жду подвоха, и романтически держу девушку за руку. И вдруг на экране собака проползает под забором. Ну и все. В общем, я стиснул руку своей спутницы так, что она заорала на весь зал. Слава богу, пальцы ей не сломал, но она оказалась адекватным человеком, не стала доискиваться, что со мной не так, и спасать меня от меня же самого, а просто сказала, что я придурак, и бросила меня. Только тут я сообразил, что надо что-то делать. Стал думать, как бы так аккуратно сходить к психиатру, чтобы на службе никто ничего не узнал, а пока собирался, неожиданно для себя самого оказался в церкви. Как-то ноги сами принесли. И нельзя сказать, чтобы я истово молился, или сильно просил бога о чем-то, или даже просто верил, что он мне поможет, да и в самом деле, на что ему спасать такого негодяя, как я... Просто постоял, бабка какая-то на меня цыкнула, чтобы я шапку снял. Я снял. Постоял еще немного, да и пошел домой. А через несколько дней мне приснился покойный отец. Знаете, я редко вижу сны, а тут вдруг так ясно, будто наяву. Он меня обнял и сказал: «Митя, ничего не бойся». Я проснулся, стыдно сказать, весь в слезах, и больше никогда у меня этих штук не случалось.

Макс задумчиво смотрел на него, и только когда Зиганшин пожалел, что так некстати разоткровенничался, тяжело вздохнул и заметил, что можно, конечно, эту ситуацию разложить сообразно законам психологии, но все равно это ничего не объяснит. Потом, осторожно подбирая слова, заметил, что все же комбат-стресс является одним из немногих состояний, которые неплохо поддаются терапии, и что он готов Зиганшину помочь всем своим профессиональным опытом.

– Ну, после того, что я сегодня от вас услышал, – рассмеялся Мстислав Юрьевич, – так лучше мы с вами вместе в церковь ходим.

– И то правда. Но если серьезно, вы всегда можете обратиться ко мне с любой проблемой. Психотерапия, конечно, дело мутное, но, как говорится, если в это не веришь, еще не значит, что оно не работает.

– Мне кажется, господь мог бы сказать нам то же самое, – буркнул Зиганшин и поднялся. Пора было ехать – забирать маму с детьми из театра.

Спускаясь по широкой мраморной лестнице с выщербленными ступенями, он крутил на пальце пакет с чаем и немножко досадовал о том, что рассказал Максу свой секрет. Но в то же время на душе стало удивительно легко, как не бывало очень давно, наверное, с самой юности.

Ноябрьский снег ложится нежно, словно накидывая на землю кружевное покрывало. Темная хмурая поздняя осень еще повсюду, из-под легкого белого покрова тут и там виднеются черные сгнившие листья, слюдяные от схватившего их мороза, и как только подует ветер, с ветвей осыпаются праздничные белые шапочки, и они снова, голые и черные, перекрещивают низкое серое небо.

Но сегодня день выдался по-зимнему ясный, морозный и тихий. Зиганшин вышел на крыльцо, улыбаясь и шурясь от бледного, но сильного солнца, оглядел двор, чистый и праздничный от выпавшего снега, только к калитке детскими ногами и собачьими лапами уже топтана изрядная дорожка.

Как был, в толстовке и старых джинсах, он накинул на плечи куртку, сунул ноги в галоши и вышел на улицу, немного расстроившись, зачем долго спал в такой хороший день.

Кажется, еще вчера только было в разгаре лето, а не успел оглянуться, и наступает зима. Как тянутся длинные одинаковые дни и как стремительно проносится жизнь! И не притормозишь, ничего не ухватишь...

Света с Юрой сосредоточенно лепили снеговика. Там, где они катили снежный шар, оставался черный след, так что казалось, будто дети убирают ковер.

– Вы поели? – крикнул Мстислав Юрьевич и, услышав в ответ стройное «Дааа!!!», успокоился. Наверное, это неправильно, и ответственный родитель обязательно допросил бы детей, что именно они ели, установив каждую печенюшку, а потом пошел в кухню и проверил показания, а еще лучше, встал бы пораньше и сварил полезную кашу, но Зиганшин в выходные дни любил поспать, поэтому пускал детские завтраки на самотек, ограничиваясь полезными и питательными обедом, полдником и ужином. Профессор медицины Колдунов подарил ему руководство по приготовлению пищи для воинских частей, и Зиганшин кормил детей строго по науке. Обычно в выходные дни ребята присоединялись к кулинарному процессу, и они втроем интересно проводили время, вникая в суровый текст военной поваренной книги, а потом действуя согласно инструкции. Иногда получалось хорошо, иногда – не очень, но всегда было весело.

– И собак кормили! – крикнула Света, энергично помахав Мстиславу и возвращаясь к своим занятиям.

Мстислав Юрьевич улыбнулся и подумал, что снег, наверное, скоро сойдет, так что вечер наступит черный и мрачный, как крепкий чай одинокого человека. Но пока светло, надо радоваться солнечным лучам, а не предвкушать темноту.

Он смотрел в ясное небо, думая, как красиво подернулась белизной полоска елового леса вдалеке, как луч света, попавший в лужицу на дне Светинога следа, рассыпается разноцветными искрами и почему так рано поднимается в небо дымок из трубы соседского дома.

Обычно сосед Лев Абрамович начинал топить не раньше двенадцати, и коротко, ибо любил свежесть и прохладу в доме.

Переведя взгляд на дорогу, Мстислав Юрьевич увидел вдалеке маленькую фигурку, и сердце его замерло. По яркой шапочке и выбивающимся из-под нее рыжим прядям он узнал Фриду, да и кто еще мог идти в их безлюдную деревню?

Зиганшин растерялся. С тех пор как Фриде дали служебное жилье от больницы, в которую она устроилась работать, он ее не видал. Лев Абрамович говорил, что она ходит теперь не только «на сутки», но и «в день», поэтому не приезжает, и Мстислав Юрьевич все искал предлог, чтобы самому навестить ее в райцентре, да так и не нашел.

Заметив Фриду, дети бросили своего снеговика и с воплями понеслись к ней. Она, смеясь, раскрыла руки, и когда Света с Юрой, добежав, ткнулись в нее, заключила обоих в объятия. Рукава куртки немного поднялись, и Зиганшин вдруг увидел, какие тонкие у нее запястья и маленькие, почти детские кисти рук. Он с болью и тревогой подумал, как странно, что в слабых руках Фриды часто оказывается жизнь человека, и эта хрупкая маленькая девочка обороняет последний рубеж между жизнью и смертью.

Он вдруг почувствовал острую потребность взять ее к себе в дом и укрыть от всех опасностей, чтобы она была его жена, и только.

Света нехотя отпустила девушку, а Юра так и стоял, уткнувшись ей в живот.

– Мить, можно мы к Фриде? – спросила Света.

Зиганшин растерялся.

– Если она вас пригласит, – сказал он наконец, – но не забывайте, что она не к вам приехала.

– К вам, к вам, – успокоила Фрида, но, встретившись с ней взглядом, Мстислав Юрьевич ничего не понял.

Он не мог преодолеть неловкости, овладевшей им, и сказать что-нибудь вежливое и нейтральное, только кивнул и принужденно улыбнулся девушке. Выглядело это, наверное, жалко.

Фрида тоже, кажется, смутилась и не поздоровалась с ним, лишь крепче прижала к себе Юру и сказала, что скучала по ребятам и с радостью заберет их к себе, если Слава разрешит.

Дети ушли с Фридой, а он оделся потеплее, кликнул Найдю и отправился гулять, думая, что девушке будет спокойнее знать, что его нет рядом.

Кроме того, он боялся не справиться с соблазном пойти и потребовать у Льва Абрамовича рассказать всю правду насчет Реутова, чтобы Фрида больше не считала его убийцей и могла бы ответить на его ухаживания.

«Стоп, Зиганшин, – говорил он себе, быстро шагая по обочине шоссе к соседней деревне, – ты никогда так не поступишь. Ради того, чтобы Фрида могла в тебя влюбиться, ты не позволишь ей узнать, что дед убил человека. Может быть, ты ей все равно не понравишься, а кроме того, мой милый друг, ты и без Реутова порядочно нагрешил в своей жизни. Ты наделал много таких дел, из-за которых Фрида, несомненно, отвернулась бы от тебя, если бы только о них узнала. Поэтому сиди и не дергайся».

Много сил было потрачено мною, чтобы не выглядеть жалкой и несчастной, да и вообще не быть самой собой. Так много, что охватывает ужас, когда я думаю, сколько всего могла бы совершить, если бы тратила свою энергию с большей пользой. Но не настоящая необходимость встретиться с самой собою лицом к лицу заставляет меня писать эту книгу. Мною движет совсем другое чувство. Со мной все решено и кончено, жизнь разрушена так, что не восстановишь. Нет, можно построить новый дом, и я обязательно это сделаю, но он будет стоять пустым, потому что в нем не будет меня. И в лучшем случае, как бы я ни старалась, я обрету только ту себя, которой могла бы быть, но никогда уже не стану ею. Но если кто-то, прочтя мою историю, вдруг поймет, что не стоит терпеть то, что терпеть не стоит, если хоть один мой читатель стряхнет с себя заклятье «ты должен», получится, что мой тяжелый и трудный опыт не пропал напрасно, и, наверное, мне станет немного легче дышать. Мне нравится думать, что я еще молода, но все же моя жизнь – это уже довольно долгая история, в ней есть и начало, и середина, и даже печальный конец, и ясно видно, что к чему приводит, поэтому вдруг кому-то благодаря моей исповеди станет яснее, в какую сторону лучше повернуть... Я не говорю, что надо делать так-то и так-то, боже сохрани, я так сыта диктатурой, что ничего не приказываю даже собственным детям. Нет, это просто рассказ о действиях и их последствиях, вот и все.

Когда оглядываюсь на прошлое, два эпизода из детства необычайно ярко вспоминаются мне. Нет, в памяти хранится много всего разного – и хорошего, и всякого, но две маленькие, совсем незначительные историйки почему-то всегда оказываются на поверхности и, как преданные собачки, услужливо лезут под руку, когда я пытаюсь понять логику своей судьбы.

Наверное, эти два крошечных события, ни к чему не приведшие и ничего не изменившие, были предвестниками моего несчастливого будущего, посланием от ангела-хранителя, которое я не сумела вовремя прочитать.

Первая история случилась, когда мне было десять или около того. У нас была дальняя родственница, имевшая дочь несколькими годами старше меня, и как-то раз меня отправили к ней в гости на целый день. Мы отлично провели время до вечера, а потом тетя проводила меня до метро и отпустила, сказав, что мама будет ждать меня на станции «Маяковская». Помню, мне это показалось странным, потому что мы жили тогда на другой станции, а на «Маяке» мне надо было только пересечь на другую линию, маршрут был давно известен и сто раз пройден. Заблудиться мне никак не грозило, и обычно родители спокойно отпускали меня одну. Я удивилась, но, не имея привычки сомневаться в словах взрослых, послушно вышла на «Маяковской» и стала ждать маму. Прошло пять минут, потом двадцать, потом час. Мама так и не появилась. О мобильниках в те годы можно было только мечтать, их, наверное, уже изоб-

рели, но до внедрения в широкие массы оставалось много лет. Следовало подняться на улицу и позвонить домой по телефону-автомату, но тогда я не смогла бы вернуться в метро, потому что не хватило бы денег на жетон (я ездила на метро довольно редко, поэтому проездного не имела). Наверное, стоило подойти к дежурной по станции, объяснить ситуацию, и она впустила бы меня бесплатно, но унижаться и просить всегда было мне невыносимо. Уехать, не дождавшись мамы, представлялось мне очень позорным, и я продолжала ждать, курсируя по станции, пока не поняла, что все бессмысленно, и поехала домой. Меня встретили разъяренные родители, обрушив на мою голову шквал стандартных упреков, которые обычно достаются всем загулявшим детям. И «где ты шлялась!», и «мы места себе не находили», и всякое такое. Измученная бесплодным ожиданием и тревогой, я отступила от привычного сценария и не стала сразу извиняться, а выкрикнула, что прежде чем орать на меня, можно было бы выяснить, что произошло. На что родители сказали, им прекрасно известно, что произошло. Они давно созвонились с родственницей. До сих пор помню чувство глубокого недоумения и какой-то космической пустоты, охватившее меня тогда. То есть родители прекрасно знали, где я, и спокойно сидели дома, вместо того чтобы быстренько съездить и забрать меня. Я же оказалась виноватой! Они даже не поссорились с родственницей, которая поступила так безответственно. Но правда в том, что если бы вдруг тетка сказала правду и мама действительно собиралась меня встретить, но опоздала, а я не дождалась бы ее и уехала, наказали бы меня ничуть не меньше.

Теткина ошибка стоила мне не только месяца родительского бойкота, но и, как сейчас понимаю, смены жизненного курса в целом. Мир показал, что я сама должна решать все проблемы, даже неразрешимые в принципе, и никто никогда не придет мне на помощь. А решать их я должна так, чтобы всем вокруг меня было хорошо и комфортно, потому что никто не может быть виноват, кроме меня самой.

Сейчас я не бываю в метро, но до сих пор не могу слышать название станции «Маяковская». Сразу накатывают тоска и чувство беспомощного одиночества, понимание, что никто ничего и никогда не сделает ради тебя, не поступится даже мелким своим комфортом.

Вторая история произошла вскоре после первой и, как ни смешно, тоже оказалась связана с теткой, которой, видно, предназначалось сыграть роль указателя в моей судьбе. С ней вместе работала женщина, в свое время лежавшая в роддоме вместе с моей мамой, соответственно, имевшая дочь – мою ровесницу. Иногда они встречались у тетки, а чаще просто передавали друг другу привет, а девочку я никогда не видела и даже долго не знала, как ее зовут.

Наступил мой день рождения – и вдруг подружки мне подарили то, о чем я даже не мечтала: настоящую Барби! Счастье было полным, и я решила подольше его растянуть, поэтому не стала вскрывать упаковку, а разглядывала куклу сквозь пластиковые окошечки, предвкушая, что же обнаружу внутри. На следующий день я еле высидела уроки и сразу побежала домой, чтобы начать играть. Наверное, я была уже великовата для кукол, но такая красота появилась у меня впервые!

Дома я вожделенной куклы не нашла. Я перерыла всю свою комнату, поискала в коридоре – ни следа. Будто она мне приснилась.

Тайна раскрылась только вечером, когда пришла с работы мама и совершенно спокойно сообщила, что взяла мою новую Барби, чтобы подарить дочке той женщины, с которой лежала в роддоме.

Я заплакала, а мама сказала, что хорошие девочки не жадничают, не жалеют своих вещей, и я должна не плакать, а радоваться, что выручила маму и доставила радость другой девочке.

Есть на свете принципиальные люди, такие, что ничего не делают ради себя самих, для личной выгоды или по прихоти. Нет, они действуют исключительно сообразно своим убеждениям, только вот незыблемые и прекрасные их принципы меняются порой со страшной скоростью в зависимости от смены обстоятельств.

То есть когда я прошу Барби, то нельзя баловать детей, а как понадобилось пыль в глаза пустить, так сразу надо людям радость доставлять! Но почему за мой счет-то, интересно?

В общем, я завелась. Выкрикнула маме, что она у меня украла куклу, и я в своем праве, что требую ее назад. Пусть она немедленно звонит своей подруге и говорит, что произошла ошибка, иначе я сама позвоню и расскажу всю правду.

Это был мой первый бунт, и, наверное, он выглядел смешно, так же, как и повод, послуживший к нему. В конце концов, я прекрасно обходилась без Барби, и через полгода мне уже казалась нелепой сама мысль об игре в куклы.

Но тогда я сражалась отчаянно, игнорируя доводы вроде «Ты готова опозорить мать ради какой-то куклы!», «Тебе что, вонючая Барби дороже матери?», «Нельзя думать только о своих интересах», ну и так далее. Подобных дидактических приемчиков полно в арсенале каждого родителя, которому нравится быть идеальным.

Наверное, я инстинктивно чувствовала необходимость переломить ситуацию. Одержать победу не ради «вонючей Барби», а ради своей дальнейшей судьбы.

Но силы были не равны. Мама, естественно, никуда не позвонила, куклу мне не вернула и даже не пошла в магазин, чтобы купить такую же. Как обычно, я оказалась виноватой и, видимо, вообще единственной девочкой во вселенной, которой не надо доставлять радость.

Ну а моя судьба прочно встала на рельсы самоуничтожения. Я поняла, что всегда нужно отрекаться от своих желаний ради желаний другого человека и безупречная репутация в глазах чужих людей важнее радости и любви в семье.

Я потерпела поражение, не билась за свое до конца, хотя точно знала, что правда на моей стороне, и судьба решила, что так тому и быть.

Не скрою, я не спала всю ночь, вынашивая коварные планы мести. Можно было спросить у тетки телефон той женщины, просыпающееся женское чутье подсказывало, что она бы мне не отказала. Ну а если б отказала, невелика беда! У нее тоже была дочка, которая уж точно согласилась бы порыться в маминой записной книжке ради такого дела! Установить контакт с той женщиной и сказать ей, что моя мать подарила ее дочери ворованную куклу, не составляло никакого труда.

Но я не смогла этого сделать.

Совость – это оружие, которым ты отсекаешь свои права и желания, больше оно ни на что не годится.

Стоит ли говорить, что моя мама еще несколько лет вяло подруживала с той женщиной, пока она не уволилась и не пропала из нашей жизни. Для меня это был большой плюс, потому что девочка той женщины служила примером идеальной дочки, на который мне следовало равняться. «Ирочка никогда бы так не посмела сделать», «а вот Ирочка ласковая!» – поскольку я лично никогда не встречалась с Ирочкой, возразить маме было нечего. Сильно подозреваю, что я была для Ирочки таким же нагвалем, как она для меня.

Теперь, когда у меня самой почти взрослые дети, я могу точно сказать: хоть раз в жизни прислушайтесь к страстным речам своего ребенка! Уступите ему! Не пользуйтесь своей родительской властью и опытом ханжеской риторики, чтобы погасить в нем жажду справедливости! Пусть он поймет, что мир не совсем безнадежен и неумолим. Пусть узнает вкус победы! Слово «нет» – хорошее слово, но надо уметь его произносить не только в адрес собственных детей.

И никогда не желайте своим детям плохого, если они все же идут против вашей воли. Даже мысленно не произносите: «ты еще узнаешь», «ты поймешь», «бог тебя накажет». Поверьте, накажет, и даже гораздо сильнее, чем вы о том просите.

Фрида старалась идти быстро, чтобы не замерзнуть, но в то же время не слишком спешила. Лучше шагать по дороге, чем томиться на остановке в ожидании автобуса. Ночью прошел сильный снег, и лес, тесно обступивший дорогу, выглядел совсем по-зимнему сказочным.

Солнце уже исчезло за верхушками старых елей, оставив после себя бледное зарево, и небо, еще недавно сиявшее лазурью, стало быстро тускнеть, и на заснеженный лес ложилась таинственная лиловая тень. Фрида миновала поворот. Ей открылась равнина и деревня вдалеке, нарядная от высоких подушек снега на крышах. На темнеющем небе можно было еще разглядеть, как из трубы одного дома поднимается дымок.

Фриде вдруг стало не то чтобы страшно, а неуютно и одиноко. Маленькая девушка в вечернем лесу – да тут что угодно может произойти! Фрида тряхнула головой и рассмеялась, прогоняя глупые мысли, и вернулась к предмету своих постоянных раздумий.

Получив служебную комнату, девушка почти два месяца не приезжала к деду, отговариваясь то работой, которой действительно было много, то трудной дорогой. А на самом деле ей хотелось забыть Славу, понять, что это была не влюбленность, а просто тяга слабой женщины к сильному мужчине на биологическом уровне, а теперь наваждение прошло, и сосед снова стал просто соседом. Лишь когда ей показалось, что это удалось, Фрида приехала к дедушке на выходные, в глубине души надеясь, что встреча как-нибудь не состоится. Но они увиделись, и стало совершенно ясно, что наваждение не прошло.

Увы... Слава не стал просто соседом, и тяга ничуть не ослабла от того, что была просто биологическая. Фрида очень хотела к нему, и особенно ужасно, что ей достаточно только сказать «да», чтобы быть с ним.

Сказать «да» хотелось до боли в сердце. Но что потом? Как быть, зная, что любимый убил человека? Делать вид, что этого не было, вырвать кусок из прошлого, а потом всю жизнь замалчивать образовавшуюся брешь, заваливать хламом иллюзий и лжи? Обманывать себя, опьяняться любовью, но все равно вздрагивать, когда Слава возьмет в руку кухонный нож? Опасаться лишний раз сердить его, а он будет знать, чего она боится, и тоже не сможет рядом с ней быть самим собой. Кто больше измучается, он или она?

Нет, лучше проявить стойкость сейчас. Только как быть с ребятами? Когда Фрида думала о Свете и Юре, то терзалась жестокими угрызениями совести. Едва они привязались к соседке, как та уехала. Пусть она почти каждый день передавала им привет через дедушку, а иногда болтала со Светой по телефону, все равно нехорошо. Дети совсем недавно потеряли мать, и просто подлю было бы сначала радушно их приветить, а потом взять и исчезнуть. Совесть сильно грызла Фриду. «Ага, ты сама боишься быть со Славой, а двоих беспомощных детей оставляешь ему совершенно спокойно?» – без конца спрашивало это неутомимое чувство, и Фрида совершенно терялась. Как-то она набралась смелости поговорить об этом с дедом, но Лев Абрамович отреагировал резко. Он сказал, пусть Фрида раз и навсегда зарубит на своем носу, что у Славы не было выбора, и то, что ему пришлось лишиться жизни уголовного Реутова, не делает его плохим человеком. Во всяком случае, он никогда не причинит вреда своим детям, и Фрида пусть не смеет соваться в чужую семью.

Она обещала, что не будет, но все равно волновалась и не находила покоя, тем более что обычно дедушка бывал с ней откровенен и всегда охотно говорил о том, что тревожит внучку, а тут вдруг закрылся. Наверное, считал, что раз Слава доверился ему, то надо хранить тайну.

Фрида нахмурилась, думая, что простая и ясная ее система ценностей не в состоянии определить, что тут правильно, а что нет. Твердо она знала только одно: поступок Славы не может быть оправдан никакими обстоятельствами. Он – двуличный мужик, и даже если Реутов напал на него, мог справиться с хилым уголовником, не лишая того жизни. Наверное, Слава сильно злился на Реутова или, что еще хуже, решил, будто у него есть право казнить и миловать! Так или эдак, но надо держаться подальше от подобного человека и не отвечать на его чувства, как бы ни хотелось это сделать!

Фрида так глубоко задумалась, что не слышала позади шуршания колес по заснеженной дороге, и опомнилась, только когда Славин джип с шиком затормозил возле нее.

– Садитесь, – сосед ловко выпрыгнул из машины и распахнул перед ней пассажирскую дверцу, – подброшу вас.

Фрида остановилась в нерешительности.

– Садитесь, садитесь!

Понимая, что отказом оскорбит Славу, она села и, смущаясь, аккуратно расправила полы куртки на коленях.

– Не бойтесь меня, Фрида, – мягко сказал Слава, трогаясь, – хотя, конечно, нет таких слов, которые могли бы что-то изменить в нашей с вами ситуации.

Она промолчала.

– Ну да, – продолжал он, – любые обещания и клятвы бессильны перед фактами, это верно. Вы все решили правильно, Фрида, только я все равно люблю вас, и мне хочется иногда сделать для вас что-то. Отвезти, куда вам надо, или еще как-нибудь пригодиться.

– Спасибо, – сухо ответила Фрида, – но я справляюсь.

– Вижу, – кивнул Зиганшин. – Просто если я могу избавить вас от прогулок по безлюдной местности, почему бы и нет? Я ж не услуживаю вам ради вашей благосклонности, как какой-нибудь презренный раб, чтобы вы почувствовали себя обязанной и уступили. В мыслях подобного нет, клянусь!

– Спасибо, но мне неудобно вас затруднять. Вы и так очень много сделали для нас с дедушкой... – промямлила Фрида.

– Да ну какое затруднение! Я как раз собирался съездить в райцентр, газет купить, а заодно уж и вас подкину.

– Вы читаете газеты?

– О, вы не представляете себе, с каким интересом! – закатил глаза Зиганшин. – Дня не могу без кроссворда провести. У нас в глуши, знаете ли, мало развлечений.

Фрида попыталась улыбнуться, но получилось довольно кисло.

Тем временем Зиганшин выехал на шоссе и повернул не направо, к автобусной остановке, а налево, и девушка поняла, что он намерен отвезти ее до самого райцентра.

– Что вы, не надо! – запротестовала она. – Я прекрасно доеду на маршрутке!

– Вы мне предоставляете нелегкий выбор: либо мерзнуть тут с вами сорок минут посреди дороги, пока не придет автобус, либо с комфортом прокатиться туда и обратно за то же самое время, а то и быстрее. Seriously, Фрида, перестаньте. Если я могу помочь, то помогаю, а уж люблю я вас или нет – это вопрос десятый.

Несмотря на то что в машине было тепло, Фрида плотнее закуталась в куртку. Ей так хотелось сказать: «Я тоже вас люблю», что она нахмурилась и притворилась, будто внимательно смотрит в окно.

– Все правильно вы делаете, – сказал Слава, – наверное, я был бы сильно удивлен и даже обескуражен, если бы вы согласились пойти со мной на свидание, как ни в чем не бывало. Уже на том спасибо, что вы не заявили в полицию.

– Ну что вы! Я не доносица!

– Я знаю, Фрида, знаю, – не отрывая взгляда от дороги, Слава улыбнулся краешком рта, но сразу посерьезнел и вздохнул, – если бы можно было как-то все исправить, я бы это сделал, но смерть неумолима и не оставляет нам шансов.

Фрида покачала головой и вдруг, неожиданно для самой себя, легонько тронула кончиками пальцев его сильную жилистую руку, лежащую на рычаге передач.

Вокруг быстро темнело. Где-то далеко позади гасли последние лучи заката, и уже трудно становилось разглядеть деревья, стоящие вдоль дороги. Все сливалось в одно темное полотно.

Слава сделал вид, будто не заметил ее прикосновения, хотя как знать? Дорога сложная, неосвещенная, в лучах фар видно совсем мало, так что он, наверное, полностью сосредоточился на вождении и ничего не почувствовал. Вот и хорошо.

Вскоре показались огни райцентра – фонари и светящиеся окна в домах. У кого-то свет с трудом пробивался через тяжелую занавеску, где-то, наоборот, вся обстановка выставлялась напоказ, где-то горел тусклый огонек настольной лампы... Почему, когда ты вечером на улице, всегда кажется, что за светящимися окнами живут счастливые люди, семьи, в которых царят мир, любовь и согласие? Почему чужие окна дразнят уютом, которого в них, может быть, нет и никогда не было?

А как, наверное, сейчас горят окна Славиного дома! Он окружен высоким забором, но благодаря тому, что стоит на пригорке, хорошо виден издалека. Может быть, кто-то сейчас проезжает мимо на машине или идет пешком, видит свет в его доме, окруженном лесом, и гадает: кто это так уютно устроился в страшной глухомани? И не знает, что в большой комнате дети разложили на столе газету и занимаются какими-нибудь важными делами. Юра, наверное, рисует акварелью, а Света устроилась тут же с книжкой и иногда лезет к брату с советами. Собака Найда лежит рядом, так, чтобы лапа ее обязательно накрывала носочек Светиного тапочка, и как будто спит, но при малейшем шорохе поднимает голову и озирается, строго глядя на детей своими умными глазами. Щенок Пусик или спит у нее под животом, или носится по комнате, вырабатывая остатки энергии перед сном, как самолет сжигает керосин, прежде чем зайти на посадку.

Печь уже не топится, но еще горяча, и если открыть дверцу, то увидишь красноватое мерцание углей, чуть подернутое пепельной вуалью, а как подуть хорошенько, то где-то в глубине вдруг встрепенется маленький язычок пламени... «Запомните, пока огонь теплится, выюшку закрывать нельзя! Как бы ни хотелось!» – вспомнила она Славино наставление, данное, когда они с дедом только привыкали к деревенской жизни.

Фрида сердцем чувствовала, что ее место там, в доме, окруженном лесом и тьмой, рядом со Славиными детьми и с ним самим...

Зиганшин с удовлетворением зачеркнул в календаре последнее запланированное на сегодня дело, бросил ручку в стаканчик и, пользуясь тем, что один в кабинете, от души, с хрустом потянулся. День прошел плодотворно, и теперь можно с чистой совестью вознаградить себя чашкой кофе и отправляться домой.

За истошным воем кофемашины он едва не пропустил звонок оперативного дежурного, который странно игривым тоном сообщил, что к Мстиславу Юрьевичу посетительница.

– Проси-с, – хмыкнул Зиганшин и добавил: – милостивый государь.

Откуда пошла эта зараза, трудно было теперь сказать, но сотрудники вдруг начали выражаться витиевато и архаично. Наверное, начитались книг Лизы Федоровой, где персонажи слова в простоте не могли сказать, стали ее поддразнивать, а потом прилипло.

На секунду Зиганшину подумалось, что пришла Фрида, он вскочил, пригладил волосы, поправил галстук и быстро сел за рабочий стол, чтобы с независимым и умным видом уставиться в экран компьютера, который он уже успел выключить.

Но когда дверь открылась без всякого предварительного стука резко и широко, он понял, что ошибся.

На пороге появилась незнакомая молодая женщина, подтянутая, с хорошей фигурой. Не дожидаясь реакции хозяина кабинета, она вошла немножко слишком стремительно и непридуманно, кинула на Зиганшина высокомерный взгляд, отодвинула стул от приставного стола и села, не дожидаясь разрешения. Впрочем, позу она приняла совсем не развязную, а скорее чопорную: с прямой спиной, немного наклонив набок сомкнутые колени.

– Здравствуйте, – сказал Зиганшин, слегка обескураженный столь эффектным появлением незнакомки.

– Добрый вечер, – женщина холодно улыбнулась и выдержала длинную паузу, в течение которой Мстиславу Юрьевичу удалось ее разглядеть.

Это оказалась стройная, хорошо сложенная и ухоженная блондинка не старше тридцати лет. Белокурые волосы, выющиеся от природы, безжалостно собраны в строгий пучок, косметики на лице ровно столько, сколько уместно для успешной деловой женщины. Одета посетительница была тоже по-деловому, строго. Свободные черные брюки со стрелками и широким поясом, белая блузка в тонкую черную полоску и расстегнутое кашемировое пальто, изящное, но мужского покроя, почему-то вызывали ассоциации с Марлен Дитрих, и хоть все это выглядело дорого и красиво, не возбуждало никаких приятных чувств. Наверное, дело было в застегнутой на все пуговицы блузке.

Туфли, как и следовало ожидать, оказались вариацией на тему мужских ботинок с дырочками, Зиганшин даже вспомнил, что подобная обувь называется «броги».

Вместо сумочки у женщины был при себе роскошный кожаный портфель с изящным замочком.

Наконец Зиганшин перевел взгляд на лицо и не смог понять, симпатичная перед ним дама или нет. Вроде бы лицо как лицо, большие серые глаза, аккуратный носик и хорошей формы рот, но в целом впечатление не то чтобы отталкивающее, а какое-то такое, что и слова вдруг не подберешь. Тревожащее? Настораживающее? Пожалуй, так. Главное, непонятно, в чем тут дело. Объективно хорошенькая мордашка, а что смотрит заносчиво, так его никогда это не пугало. Наоборот, уверенные в себе стервы раньше, до Фриды, просто завораживали Мстислава Зиганшина и притягивали, как магнитом.

Но для настоящей стервы взгляд посетительницы был хоть и высокомерен, но тускл, а манеры чуть-чуть слишком аффектированные, чтобы поверить, будто они исходят от уверенности в себе.

Странное смутное ощущение возникло у него – одновременно опасности, хрупкости и ненадежности девушки, и хоть Зиганшин не числил себя трусом, все же на несколько секунд пожалел, что дал команду впустить посетительницу.

– Слушаю вас, – буркнул он, наконец сообразив, что в рамках концепции превосходства девушка не заговорит, пока он ее об этом не попросит.

– Я всего лишь посредник, – сказала девушка сухо, быстро достала из портфеля визитную карточку и бросила ее Зиганшину таким красивым жестом, что сразу стало ясно – она его отрепетировала.

Мстислав Юрьевич секунду подумал, не выставить ли дамочку за дверь, чтобы она там швырялась карточками, но любопытство победило, и он взял в руки белый прямоугольничек со сдержанным золотым тиснением по краям. Имя заставило его вздрогнуть, и сердце трепыхнулось в груди жалобно и беспомощно.

– Слушаю вас, – повторил он почему-то сипло.

– Мне поручено организовать вашу встречу с Еленой Николаевной, – девушка взяла айфон и замерла, занеся палец над экраном, – назовите время, когда вы бываете свободны, и я посмотрю, что можно сделать.

Мстислав Юрьевич растерялся, что с ним вообще случалось редко. Кажется, девушка даже не принимала в расчет, что он может не захотеть встречи со своей первой любовью, стало быть, Лена убеждена, что он примчится к ней по первому зову. Разумнее всего будет вежливо отказаться, а чтобы не выглядеть грубым, написать Лене небольшое письмо, объяснить, что у него теперь дети и он не может располагать собой. Или придумать другую причину отказа. Или ничего не придумывать, а написать как есть, что прошлое должно оставаться в прошлом. Зиганшин вытащил лист бумаги из пачки, лежащей под столешницей, взял ручку...

И не смог начать письма. Не напишешь же после стольких лет «Дорогая Лена!». Потом, как знать, вдруг он нужен ей? Вдруг у нее беда такая, что только он может помочь? А он возьмет и откажет!

Тем более, мама как раз собиралась в четверг вести детей на премьеру какого-то фильма, так что вечер у него свободен.

...Я часто думаю, что в жизни можно найти все, что угодно, кроме справедливости, так что если вы ждете какого-то адекватного воздаяния за свои добрые дела, то не стоит. Бросьте. Тезис «как ты с людьми, так и они с тобой» в нашем мире не работает. Или постулат, что сделанное тобою зло обязательно вернется бумерангом. Может, и вернется, но треснет по затылку не автора зла, а того ротозея, что смотрит на людей с надеждой и любовью. Как ни грустно это сознавать, наша жизнь – всегда игра в одни ворота. Чем больше ты даешь, тем больше у тебя берут, а чем больше берешь, тем охотнее тебе дают. Правдивым людям верят гораздо реже, чем лжецам, а любящих почти никогда не любят. Увы, так оно все устроено, и человеческую природу не переломишь.

Какое-то время в ранней юности мне казалось, что мир может быть прекрасным местом, где человек получает то, чего заслуживает, и я старалась быть хорошей. Но чем больше старалась, тем больше со мной происходило дурных и страшных вещей.

Прозрение пришло, как ни странно, в театре, на пьесе «Венецианский купец». Если кто-то не знаком с сюжетом, то пролистните несколько страниц, ибо будут спойлеры. Итак, еврей Шейлок подвергается поношениям со стороны венецианца Антонио. Тот таскает его за бороду, плюет в лицо и всячески оскорбляет только на основании национальности Шейлока и его рода занятий (тот ссужает деньги под проценты). Презрение и негодование, впрочем, не мешают Антонио занять у Шейлока крупную сумму, не будучи уверенным в том, что сможет ее вернуть, и совершенно добровольно (это важно) согласиться, чтобы Шейлок вырезал у него фунт плоти в качестве неустойки по векселю. Между строк замечу, что в нынешнее время, с развитием трансплантологии, коллизия выглядит остро как никогда. Но вернемся к сюжету. Никто не заставлял венецианца подписывать сей страшный документ и одалживать деньги, стыдно сказать, для того, чтобы его промотавшийся дружок пустил пыль в глаза богатой невесте. Естественно, вексель он просрочил, и когда Шейлок довольно вежливо попросил то, что принадлежит ему по праву, все тут же стали требовать с него милосердия. Даже безбашенный дружок-альфонс выскользнул из объятий молодой жены и поехал спасать товарища. Но позвольте, если Шейлок такой негодяй, что можно и нужно было таскать его за бороду и унижать почему зря, то откуда в нем возьмется милосердие? А если он великодушный человек, то за что ж тогда его оскорбляли? Шейлок требует справедливости не за себя только, а за всех своих. Может быть, узнав о произошедшем возмездии, кто-нибудь поостережется оскорблять еврея или хотя бы вести с ним дела неподобающим образом. Но внезапно, благодаря одной демагогической уловке, бедного Шейлока с его жадной справедливости делают еще и виноватым, отбирают у него все, а потом якобы прощают, но заставляют отречься от своей веры, что в те времена было идентично отречению от самого себя. Никакую модель отношений не напоминает?

Милосердие должно идти об руку с благодарностью, иначе получается то, что называется «наша жизнь». Игра в одни ворота. Один любит, другой подставляет щеку. Семеро с ложкой, один с сошкой. Ну и так далее.

Теории, что бескорыстное добро и помощь якобы посылают куда-то там какие-то сигналы, конечно, интересны, но зачем идти таким сложным путем, через всю вселенную, когда человек способен благодарить непосредственно, не тревожа тонкие миры?

Кажется, Лев Толстой заметил, что мы ненавидим людей за то зло, которое им причинили, и любим за добро, которое сделали. Не стану спорить с классиком, но мне кажется вот что: может быть, мы и ненавидим людей за сделанное нами зло, но презираем уж точно за то хорошее, что они сделали для нас. Наверное, слово «лох» было специально изобретено для обозначения человека, который нам помог, но ничего с этого не выиграл, а в идеале, наоборот, даже потерял.

Знаете, когда человек о чем-то вас просит, вы подразумеваете, что у него самого это серьезный недостаток. Не станет сытый просить еды, а богатый – денег. Так же и с нематериальным. Просящий милосердия – жесток, требующий доверия – подозрителен и лжив, а вымогающий любовь сам неспособен на это чувство. Вообще человек достойный обходится тем, что есть у него самого, и ничего не кланчит.

Я ничего этого не знала в начале жизни, и много пришлось горевать из-за своей наивности, но теперь могу точно сказать: если у вас требуют милосердия, доверия и любви, не давайте! Вы ничего не получите взамен...

Есть изречение, которое очень любят цитировать родители и учителя: не поступай, мол, с другими так, как бы не хотел, чтобы поступали с тобой. Прекрасная мысль! Но она защищает других, а не тебя, как, в общем, всякое изречение с претензией на мудрость. У меня нет таких претензий, поэтому скажу одно: не позволяй людям поступать с тобой так, как тебе бы не хотелось, чтобы они поступали с тобой. Я не устаю повторять это своим детям, потому что знаю не понаслышке, как трудно может сложиться твоя судьба, если этого не понимаешь.

Или инстинктивно понимаешь, но считаешь, что это очень плохо, потому что живешь в обществе, где главное достоинство «пожертвовать собой» или «посвятить себя», причем не важно чему или кому, человеку ли, профессии, абстрактной идее или тупо деньгам. Главное, отказаться от своей личности, вот высшая добродетель.

Впрочем, я прекрасно понимаю, что вы хотите найти в этой книге не жалкие софизмы, а историю разрушения жизни, начавшейся так блестяще. Что ж, хватит рассуждать и анализировать, пора переходить к фактам.

В четверг девушка приехала за Зиганшиным в маленькой дамской машинке. Зиганшин поморщился, но без пререканий влез на пассажирское сиденье. Они договорились, что девушка отвезет его на встречу с Леной, а после подбросит обратно к отделу.

Все это казалось Мстиславу Юрьевичу слишком таинственным и эффектным. Если Лена выяснила, где он работает, могла сама ему позвонить и договориться о встрече, а не засылать свою Марлен Дитрих на побегушках. Он бы хоть знал, в чем дело, а так сиди гадай.

Или бы хоть прислали за ним какой-нибудь лимузин, а не это передвижное пасхальное яйцо! Зиганшин ухмыльнулся и постарался сесть поудобнее. Он накручивал себя и специально злился, чтобы рассеять волнение от предстоящей встречи с первой любовью.

Взглянув в окно, он понял, что девушка везет его в центр, довольно шустро лавируя в плотном потоке машин.

– Давайте познакомимся, – сказал он, натянуто улыбнувшись, – мое имя вам известно, а вас как зовут?

– Клавдия.

– Очень приятно.

– В самом деле?

Мстислав Юрьевич кивнул, не совсем понимая, к чему этот вызывающий тон.

Поток машин двигался и так медленно, а теперь вовсе стал застывать, как кисель, и стало ясно, что куда бы они ни ехали, попадут на место не скоро.

Черная вода Фонтанки отражала свет фонарей нехотя и тускло, и стены плотно стоящих друг к другу домов будто отступали в наступающую ночь и непогоду. Высокие узкие арки с огромными чугунными фонарями, колонны на фасадах и затейливая лепнина окон – всего этого почти нельзя было разглядеть, несмотря на фонари, в ярком свете которых было отчетливо видно, как кружатся, искрясь, в безветрии хлопья снега.

Город словно исчезал в сказочной мгле, возвращался к тому времени, когда был создан, и Мстислав Юрьевич вдруг подумал, что тоже скоро исчезнет.

Он энергично потер лоб ладонью, прогоняя наваждение.

– А вы подруга Елены? – спросил он просто затем, чтобы вернуться в реальность.

– Нет, я ее личный помощник, – резко сказала Клавдия, – но Елена Николаевна стала мне даже ближе, чем подруга. Вы не представляете, какая это удивительная женщина!

– Ну почему же? – Зиганшин нахмурился и пожалел, что разговаривал свою провожатую. Ему хотелось смотреть, как танцует снег, и немного помечтать о том, что теперь уже никогда не сбудется.

– Удивительная женщина, – повторила Клавдия с нажимом, как будто собеседник спорил, – настоящая героиня! Столько ей приходится выдерживать, просто страшно подумать! Она ведь настоящий самородок, как говорится, сама себя сделала...

Мстислав Юрьевич пожал плечами, но спорить не стал.

– Конечно, многим со стороны может показаться, что жизнь у нее хорошая, – продолжала Клавдия так же напористо, – а на самом деле если бы вы только знали!

– А вы всем вот так рассказываете про свою работодательницу? – перебил Зиганшин.

Клавдия фыркнула и поджала губы:

– Нет, не всем! Просто вы для нее особенный, и я хотела, чтобы вы понимали, как ей трудно!

– Я постараюсь это понять, – сказал он мягко.

– И знайте, что я ни за что не дам ее в обиду! – выкрикнула Клавдия.

Мстислав Юрьевич удивился подобной горячности, но ничего не сказал, и остаток пути они провели в молчании.

Семейная жизнь с ранней юности пугала меня. Нет, о любви я мечтала ничуть не меньше, чем обычная девочка, но все эти борщи, фланелевые халаты, пестрые и яркие, но при этом унылые, как печальные галлюцинации шизофреника, тренировочные брюки, уборки по воскресеньям, просмотр телевизора... Сердце наполнялось тоской, когда я думала, что пройдет совсем немного лет, и все эти вещи заполнят мое существование. Половина моего времени будет занята мыслями о сегодняшнем ужине и завтрашней обеде, и признание мужа, что я вкусно его кормлю, станет моей главной жизненной наградой. Я никогда не была лентяйкой и не боялась домашней работы, нет, страшило другое: что все это засосет меня, и не только тело, но и душа заплывет жиром, и придет день, когда я решу, что счастье – это и есть теплая вязкая лужа, в которой я барахтаюсь. И что мои барахтанья – это плохо, а хорошо лежать и похрюкивать от сытости и безопасности.

Я не представляла себе ничего ужаснее унылого и безнадежного существования, состоящего из сна, еды и нескольких тягостных часов в перерывах, когда надо заработать денег на сон и еду, включая алкоголь, чтобы быстрее пролетело бессмысленное время, когда не хочется спать, но не нужно работать.

Тусклое прозябание биоробота, серость и тьма с постоянным тлением огня зависти к чужим успехам и редкие искры радости от чужих неудач...

Когда человек рождается, он полон энергии и радостной силы. Посмотрите на детей: с каким интересом они приходят в мир, все им любопытно и хочется что-то постоянно делать. Они хотят быть строителями, докторами, пожарными, художниками, петь, танцевать, читать стихи, и все им в радость. Но минует совсем немного времени, и они узнают от родителей, что работа – это тягостное и унылое занятие, а смысл есть исключительно в выходных. Отец не занимается любимым делом, а тянет ненавистную лямку, чтобы прокормить семью, и в будущем ребенок будет должен этому скромному герою за каждый кусок хлеба. Девочка только успевает с радостным предвкушением повязать фартучек и взять метелочку для пыли или собирается впервые в жизни почистить картошку, как тут же мать сообщает ей и словами, и тоном, и всем своим видом, что домашние хлопоты – это вовсе не приятное и интересное занятие, а пожизненная каторга, на которую обречены все женщины, беспросветный адский труд и унижительная обязанность, не исполнять которую, впрочем, нельзя.

Если вдруг семья не справляется с превращением ребенка в послушного раба, то он идет в школу, где у него остается мало шансов. Много ли знаний мы получили за одиннадцать лет учебы? Я, например, до сих пор не понимаю, как жидкий ток течет по твердым проводам, что такое валентность, производная и логарифм, и теперь уже нет надежды, что когда-нибудь пойму. Допустим, «жи-ши пиши через и». Это помню, но знаки препинания ставлю интуитивно, и если не уверена в написании слова, то просто заменяю его на другое подходящее по смыслу, вот и все. Иностранный язык? Я вас умоляю! Мне кажется, все учителя, перед тем как поступить на работу, собираются где-то и дают тайную страшную клятву, суть которой сводится к тому, что ни один ребенок, оканчивая школу, не сможет говорить свободно на иностранном языке, а в идеале так и вообще не будет его знать.

Еще в школе мне испортили впечатление от многих прекрасных произведений русской классики. Вот, пожалуй, и все.

Но зато там вбили в голову такие бесценные максимы, как «звонок для учителя», «я – последняя буква алфавита», «один в поле не воин» и прочее в том же духе.

Мы одиннадцать лет учились понимать, что, кроме нашего собственного мнения, есть еще мнение общественное, которое следует предпочесть в любых обстоятельствах, так же, как ставить интересы коллектива выше собственных. Нас учили лицемерию и рабскому поведению, вот и все. Приучали делать не то, что кажется полезным и целесообразным нам самим, а выполнять разные бессмысленные действия просто по приказу педагога. Учили «не выпячивать» свои достоинства, а лучше всего скрывать или вовсе от них отказываться. Хорошенькая девочка должна была одеваться, как женщина во времена вражеской оккупации, то есть так, чтобы ни у какого врага не возникла идея с ней поразвлечься. У нас в роли оккупантов выступали климатерические учительницы.

Умным детям приходилось ничуть не легче. Не дай бог, какой-нибудь юный гений додумывался решить задачу оригинальным способом! Его сразу прилюдно унижали, и это был не просто процесс ради процесса, но еще и прекрасное назидание другим детям: не высовывайтесь! Не лезьте!

А, чуть не забыла! Конечно же, куча времени отводилась на изучение страданий угнетенных во все времена. Считается, что картины жестокости и насилия вредны неокрепшим детским душам, но ради того, чтобы нас просветить насчет страданий народа, педагоги об этом забывали.

Все это служило одному: чтобы мы думали, раз у нас нет на ногах кандалов и колодок и никто не бьет нас плетью, стало быть, мы свободные люди.

Не хочу хвастаться, но вышло так, что жесточайший прессинг, формовка и шлифовка почему-то не выбили из меня внутреннее чувство свободы. К сожалению, жизнь такова, что люди, не утратившие этого чувства, обычно сами загоняют себя в беспросветное рабство.

Я никогда не стремилась к богатству и не разделяла мечтаний подруг о прекрасных олигархах, которые, проезжая мимо девушки и окатив ее из лужи, вдруг резко впечатлятся красотою загрязненной дамы и возьмут к себе во дворец.

Нет, мне хотелось повторить судьбу Кати Татариновой из «Двух капитанов», книги, которую я перечитывала раз сто.

Мне казалось очень важным найти своего Саню Григорьева именно в ранней юности, пока душа чиста и горяча и способна на настоящее чувство. Любить один раз и на всю жизнь, так, чтобы в старости с улыбкой вспоминать, какими мы были страстными и безрассудными.

Такие были у меня планы. И наступил день, когда мне показалось, что я нашла своего избранника.

Мы учились в одном классе, и я долго видела в нем просто красивого и умного парня, по которому страдает большинство наших девчонок, а присоединяться к толпе обожательниц казалось мне глупой затеей.

Красота его за много лет стала привычной, а ум впечатлял постольку, поскольку у него можно было всегда с полной гарантией качества перекатать домашку по физике и другим точным наукам.

В нашей параллели было три претендента на медаль: дочка учительницы математики, зубрилка, после каждой четверки устраивавшая такие истерики, что у педагогов сформировался условный рефлекс, дочка успешного бизнесмена, безмятежная девочка с удивительно приятным характером, и он, единственный, кто реально заслужил свои пятерки, не оскорбляя при этом педагогов излишней живостью мысли.

Кажется, я как-то обмолвилась, что он слишком правильный и исполнительный, но не думаю, что это повлияло... Впрочем, не важно.

В старших классах у нас появился новый учитель русского и литературы. Можно сказать, новаторский. Это был недавний выпускник университета, тощий от пожирающих его амбиций, всклокоченный и непромытый, как подобает гению, и, разумеется, в растянутом вязаном свитере. Замечу вскользь, что в почти неизмененном виде его теперь можно встретить в интернете с разными критическими статьями.

Он пытался в нас что-то заронить, или пробудить, или, может быть, вдохнуть, во всяком случае, его уроки отличались суетливым кликушеством, которое ему угодно было считать вдохновением.

Среди впечатлившихся оказался, к несчастью, и мой мальчик-медалист. Вняв истерическим призывам мыслить самостоятельно, он написал большое сочинение по Шолохову, в котором выразил мнение, не совпадающее с мнением нашего учителя. Он, бедняга, еще не знал, что когда человек тебе приказывает мыслить самостоятельно, он имеет в виду «думай так, как думаю я!».

Я не вникала в суть их спора и, плохо зная творчество Шолохова, не берусь судить, кто из них был прав, но мне совершенно непонятно, с чего наш одухотворенный педагог так завелся и «плотно наехал» на парня. Ну поставь трояк и успокойся, так нет, ему понадобилось публично швырять тетрадку и обзывать «эгоистом» и «неандертальцем».

Парень спокойно встал, сказал: «Вы не смеете меня так называть!» – и вышел из класса.

Учитель, несмотря на пропитанность высоким духом русской литературы, оказался мелким склочником и не смог простить ученика без того, чтобы тот публично извинился.

Парень отказался, с тех пор по русскому и литературе больше трояка не получал, и медаль, естественно, проплыла мимо.

А я поняла, что передо мной свободный человек, и полюбила его именно так, как мечтала: страстно, сильно и безрассудно.

Смешно, но мне показалось знаком судьбы то обстоятельство, что в сюжете «Двух капитанов» Саня тоже терпит гонения от своего учителя литературы по прозвищу Лихосел.

С тех пор каждый день в школе представлялся интересным приключением. Сердце замирало от предвкушения новой встречи, и я вскакивала в шесть утра, чтобы собраться и одеться безупречно. Заметив, что мой избранник всегда ходит в идеально начищенной обуви, я тоже стала уделять внимание этому предмету. В моем внешнем виде не должно было быть ни единого изъяна ни с точки зрения вкуса, ни с позиций аккуратности.

Многие девочки из бедных семей, стремясь хорошо выглядеть, эксплуатируют природную сексуальность. Юбка покороче, кофточка в «обтягончик», начес, стрелки и много-много дешевых украшений. А гневные вопли родителей и педагогов только подкрепляют их уверенность в том, что они правильно выбрали себе имидж.

Каким-то чудом я избежала этой ошибки. Обладая красивыми ногами и длинными густыми волосами, я не выставляла напоказ свои достоинства. Косметикой пользовалась только в крайнем случае и одевалась строго: черная прямая юбка, собственноручно шитая из старых папиных брюк (о, как она идеально сидела!), и какая-нибудь блузочка или легкий джемперок. В

поисках своего образа я вдохновлялась репортажами из жизни британской королевской семьи. Волосы я заплетала или в обычную косу, или в «колосок», иногда делала на голове «корзиночку». Я думала, пусть лучше избранник не оценит моей сдержанной аристократической красоты и не ответит взаимностью, чем я его буду приманивать разными дикарскими уловками, которые мне не свойственны. Даже ради любви всей жизни я не смогла бы осквернить свои веки рисованием на них черных жирных стрелок.

Замечу в скобках, что хоть я выглядела, как услада учительского сердца, все равно не находила одобрения педагогов. Наверное, в моем облике недоставало самоотречения, какой-нибудь детали, показывающей, что мне плевать на себя: спущенной петли на чулках, оторванной пуговицы, мятой сзади юбки или хотя бы лишнего веса.

Итак, удостоверившись, что выгляжу безупречно, я выходила из дому и тут же погружалась в мечты.

Есть у меня такая манера – грезить на ходу, особенно если идешь по набившему оскомину маршруту. Я мечтала сначала о том, как пройдет сегодняшний день, поговорим ли мы или просто посмотрим друг на друга. Просить ли мне списать физику или подождать, пока он сам предложит это сделать? А возвращая тетрадь, что лучше – благосклонно кивнуть или восхититься его умом? Или набраться смелости и попросить наконец объяснить мне, как жидкий ток течет по твердым проводам?

Но мысли мои быстро расправляли крылья и летели дальше, в нашу будущую жизнь. Я представляла, как мы женимся сразу после школы и уедем, обязательно уедем в какие-нибудь суровые края, где мороз и метель. И он будет летчик, как Саня Григорьев, а я стану ждать его из опасных полетов, и целовать заиндеветые брови и ресницы, и стряхивать ладонью снег с огромного мехового треуха. Мы будем сильные и смелые и станем радоваться каждой минуте своей деятельной и интересной жизни.

Потом я соображала, что без образования мы не нужны ни в каких суровых краях, и прикидывала, на кого бы мне пойти учиться. Честно говоря, душа не лежала ни к какой профессии, быть женой и матерью казалось мне самым лучшим призванием на земле.

В моих любимых «Двух капитанах» Катя хоть и получает профессию геолога, но уделяет ей в сто раз меньше сил, чем Саня своим самолетам, а во время войны она так и вовсе пере-квалифицируется в медсестру.

Я тоже решила пойти в медучилище. Получать высшее образование ради того, чтобы быть не хуже других, казалось мне несусветной глупостью. Стать заложницей своего диплома? Гробить шесть лет ради того, чтобы потом угробить всю остальную жизнь? Нет, спасибо. Слишком много подобных примеров прошло перед моими глазами, чтобы я следовала им.

Любовь и семья – вот территория человеческой свободы, и мне хотелось остаться на этой территории.

Я так была влюблена, а мечты настолько овладевали моим сознанием, что, оказавшись в школе и столкнувшись там со своим избранником, я бывала вынуждена жестко напомнить себе, что мы еще не женаты и никуда не уехали, значит, бежать к нему с объятиями несколько преждевременно.

Я выныривала из грез и быстро отводила взгляд, но иногда мне казалось, что он смотрит на меня, когда я не вижу, и сердце наполнялось радостной надеждой и предчувствием счастья.

Следуя за своей провожатой, Зиганшин миновал роскошно одетого швейцара и оказался в холле гостиницы. Он думал, что Клавдия отведет его в ресторан или кафетерий, но девушка уверенно направилась к лифтам. Мстислав Юрьевич поморщился. Чувства к Лене были у него не того рода, чтобы нынешнее приключение могло забавлять его.

Тем не менее он ступил в сверкающую от стали и стекла кабину, не понимая, от чего в груди образуется сосущая пустота – от предстоящей встречи или от быстрого подъема.

Ковровая дорожка с необычайно толстым ворсом делала почти неслышными их шаги, пока они шли от лифта до номера, и от этого Зиганшину казалось, будто стук его сердца раздается на весь коридор. Но если Клавдия и заметила его волнение, то никак этого не показала.

Остановившись перед нужной дверью, она сказала: «Вам сюда» – и отступила.

Войдя, Зиганшин оказался в комнате такой огромной, что архитектор вынужден был поставить посередине несколько колонн. Сначала ему показалось, что тут никого нет.

– Лена? – позвал он негромко, озираясь.

Все здесь было выдержано в тоскливом казенном шике. Стены и колонны были облицованы каким-то шероховатым материалом серо-коричневого цвета, и только на уровне глаз тянулась узкая стальная полоска. Вокруг колонн стояли низкие кресла того оттенка, какой бывает у желтка в сильно переваренном яйце, а в глубине комнаты располагалось что-то вроде барной стойки.

По стенам висело несколько картин в той же депрессивной цветовой гамме, что и вся комната, и Зиганшину подумалось, что тут не может произойти ничего настоящего и искреннего.

Еще раз оглянувшись и никого не увидев, он шагнул к панорамному окну и стал смотреть, как фонари с набережной отражаются в черной воде Невы бесконечными белыми дорожками, как плывет по реке какое-то маленькое судно, уже невидимое в темноте и только угадываемое по носовым и кормовым огням и потому похожее на созвездие. Чуть вдалеке светился мост, а если посмотреть строго вниз, то можно наблюдать, как по тротуарам снуют люди, темные тени в соединенном сиянии фонарей, фар и вывесок.

Мстислав Юрьевич только успел подумать, что стал жертвой какого-то глупого розыгрыша, как услышал «Митя» и резко обернулся.

Лена появилась непонятно откуда и, сделав к нему несколько шагов, замерла в нерешительности.

Зиганшин от волнения не мог пошевелиться.

Как ни приглушен был свет в этой огромной комнате, он разглядел Лену совершенно ясно. Кажется, она почти не изменилась с тех пор, как они расстались, а может быть, просто он оказался подготовлен к ее нынешнему облику, потому что видел много репортажей о ней и фотографий в прессе.

Красота ее нисколько не увяла, наоборот, стала четче, определенной, чем в юности, ну а фигура, кажется, осталась точно такой же.

От волнения Зиганшин не обратил внимания, что на Лене надето. Что-то черное и простое.

– Митя, – повторила Лена нерешительно.

Он кивнул, не найдя слов.

– Вот и встретились, – она шагнула к Мстиславу, кончиками пальцев коснулась его плеча и сразу убрала руку.

Зиганшин снова кивнул, совершенно не представляя, что делать дальше. Когда Лена подошла ближе, волнение его вдруг прошло. Он внезапно понял, что в прошлое не вернешься, и, может быть, Лена совсем не изменилась, но сам он определенно стал другим.

Они немножко постояли, глядя на широкую реку за окном, и как знать, о чем думала Лена, а Мстислав Юрьевич вспоминал юность с радостью и благодарностью, что ему посчастливилось пережить сильное чувство к девушке, которой когда-то была эта красавица.

– Хочешь вина? – спросила Лена.

Он покачал головой.

– Не волнуйся, моя помощница отвезет тебя.

Зиганшин покачал головой и признался, что не пьет.

Лена усмехнулась:

– Что так? Закодировался?

– Нет. Просто в юности не приучился, а потом как-то оно было ни к чему.

– Ну ладно, – пожала она плечами, – как хочешь. Я всего лишь думала, что это поможет нам преодолеть неловкость.

Зиганшин развел руками:

– Нужно очень много выпить, чтобы забыть наши обстоятельства. Все же ты бросила меня ради другого мужика, пока я служил.

– Я хотела просить у тебя прощения за это, – со слезами в голосе воскликнула Лена.

– Лена, милая, я давно тебя простил! – Мстислав Юрьевич взял ее за руку и крепко сжал. – Это правда. Так что если ты мучаешься, то не надо, честно, не держу на тебя зла.

– Да? – переспросила она, отступив на полшага. – И за то, что я тебе не написала, что выхожу замуж, тоже простил?

– За это вообще благодарен по гроб жизни, – признался Зиганшин. – Если бы узнал про это в армии, так сразу бы и умер, наверное. Это большая удача для меня оказалась, что ты нашла в себе силы поддерживать до конца нашу переписку.

– Я храню все твои письма, Митя, – сказала Лена тихо, – и порой перечитываю, когда мне совсем тяжело.

– Я тоже твои храню. Хотел сжечь, да не смог.

– Вот видишь...

– Вижу.

Повисла долгая и тягостная пауза.

– О, я так разволновалась, увидев тебя, что совершенно забыла о своих обязанностях хозяйки, – воскликнула Лена, отходя от Мстислава и опускаясь в кресло, – могу ли я предложить тебе поужинать?

Тот покачал головой.

– Легкие закуски? Чай? Кофе? Seriously, Мить, давай что-нибудь закажем!

– Я слишком волнуюсь от встречи с тобой, чтобы есть. Давай просто поговорим, ладно?

Она кивнула и уставилась в пол. Мстислав взглянул на ее щиколотки и вспомнил, в какой приходил от них восторг. Казалось бы, красивые ноги, ну и что, а ему в линиях тела Лены мерещился ключ от мироздания.

В вырезе ее простого черного платья Зиганшин заметил чуть ниже ключицы хорошо знакомую ему маленькую родинку. Как странно, родинка на месте, а человек перед ним другой. И он сам стал другим. Эх, время...

Мстислав сел в кресло напротив, украдкой взглянув на часы. Если он опоздает и не сможет вовремя забрать детей и маму из кинотеатра, получит серьезный нагоняй.

«Удивительно, чем заняты мои мозги, – с грустью подумал он, – еще совсем недавно мне казалось, что если я увижу Лену, то все остальные мысли покинут меня раз и навсегда».

– Если бы ты знал, как я жалела, если бы только знал... – Лена приложила кончики пальцев к вискам, и Зиганшину показалось в этом жесте что-то нарочитое.

«Да нет, Зиганшин, успокойся, что за чушь лезет тебе в голову! Просто ты столько лет любил Лену и так мечтал о встрече, что теперь, когда эта встреча действительно произошла, тебе мерещится то, чего нет».

– Лена, милая, но что я мог поделать? – сказал он вслух. – Ты была уже официально замужем, когда я все узнал, иначе, конечно, я бы за тебя поборолся.

Лена поднялась, прошла до окна и обратно, и Зиганшин следил за ее плавными движениями как зачарованный.

Встав рядом, она положила руку ему на плечо, и Мстислав даже сквозь грубую ткань формы ощутил тепло ее ладони.

– Митя, если бы можно было все вернуть...

Он промолчал. Если что-то и нельзя сделать в этой жизни, так это вернуть прошлое или изменить его.

– Я часто думала о тебе и очень тосковала. А ты меня вспоминал?

– Каждую секунду. Ты всегда была в моей душе и всегда будешь, пока я жив.

– Так, может быть... – Лена шагнула к нему ближе, и Зиганшин вскочил на ноги, понимая, что надо все остановить, прежде чем она сделает что-нибудь, о чем ей потом неприятно станет вспоминать.

– Это надо делать от надежд, а не от воспоминаний, – сказал он неловко.

– Ты совсем-совсем разлюбил меня?

– Конечно, нет! Только вот что, Лена: любовь к тебе – это лучшее, что было в моей жизни. Лучшая часть меня. Можно сказать, все хорошее, что во мне есть или когда-то было, все это моя любовь к тебе. Я не мастер говорить красиво и, наверное, слишком волнуюсь сейчас, чтобы четко и понятно объяснить тебе, что чувствую, просто то, что было у нас с тобой, остается для меня самым важным, самым чистым и возвышенным. Прошу тебя, не отнимай у меня этого.

Лена улыбнулась грустно и ласково и, не сказав больше ни слова, глазами показала ему на дверь.

Мстислав Юрьевич вдруг так остро захотел к ней, прижаться и крепко стиснуть, как в юности, что, чувствуя, как самоконтроль стремительно слабеет с каждой секундой, выскочил в коридор. Только там он перевел дыхание, но все еще был как сумасшедший или пьяный, пока ехал в лифте.

В холле к нему неожиданно подошла Клавдия, о существовании которой Зиганшин успел напрочь забыть.

Понадобилось довольно много времени, прежде чем он сообразил, что она специально его ждала, чтобы отвезти обратно. «Где взяла, там положила», – вспомнил он любимое изречение Льва Абрамовича и отказался от помощи.

– Вы считаете меня плохим водителем? – напористо спросила Клавдия.

– Что вы, – махнул головой Зиганшин, – просто разговор меня сильно взволновал, и я хотел бы пройти пешком.

– По такой погоде?

Но Зиганшин не дал втянуть себя в дискуссию, а заметив, что на девушке нет пальто, быстро пробормотал все положенные благодарственные и восхищенные слова и юркнул за дверь, решив, что пока Клавдия оденется, он будет уже очень далеко.

Николай Алексеевич, дежурный травматолог, пришел на вечерний обход своих больных и надолго застрял у Фриды в ординаторской. Она заполняла документы под разглагольствования доктора и думала, как бы деликатно намекнуть коллеге, чтоб поискал себе другие свободные уши. Николай Алексеевич, кажется, питал к ней определенного рода склонность, не любовь и не влюбленность, а самый простой мужской интерес. Он просиживал в реанимации гораздо дольше, чем того требовали интересы больных, и хоть прямо не предлагал переспать с ним, но без всякой необходимости прижимался, приобнимал Фриду и заглядывал ей в глаза, ожидая поощрительного сигнала, подтверждения, что более откровенные его действия будут приняты благосклонно. В этом прощупывании почвы Фриде виделось что-то трусливое, и травматолог совсем не нравился ей, несмотря на то что был молод и безусловно хорош собой.

Николай Алексеевич чем-то напоминал ей гоголевского Ноздрева. При взгляде на этого парня невольно вспоминалось: «здоровье, казалось, так и прыскало с лица его».

К сожалению, сходство этим не ограничивалось. Травматолог очень много болтал, громко и напористо разглагольствуя о собственных недюжинных талантах, которые ему по прихоти злого рока приходится реализовывать в таком убогом месте, как эта больничка. Потом переходил к рассказам о том, как прекрасно живут врачи в других учреждениях, как они много

получают и официально, и в карман, причем называл для примера совершенно гомерические суммы.

Фрида не вслушивалась, но все равно было неприятно, что доктор так запросто расположился у нее в ординаторской и городит всякую чушь, не имеющую ничего общего с реальностью, а выставить его вон у нее не хватает духу.

Она слишком много слышала об умениях доктора от самого доктора, а не видела почти ничего, и когда он начал сыпать цифрами гонораров, которые берут врачи в «нормальных местах», ей захотелось сказать, что всех денег мира не хватит, чтобы Николай Алексеевич сделал что-нибудь хорошо и качественно.

Продолжая молча строчить, она думала, что сама давно бы поняла, что с ней не хотят разговаривать, а Николаю Алексеевичу горя мало: молчит собеседница, и хорошо! Не перебивает зато!

Вдруг она заметила, что доктор придвинул свой стул совсем близко и сел так, чтобы прилечь бедром к ее ноге. Фрида отодвинулась, но собеседник положил руку на спинку ее стула. Она вскочила и, быстро obeжав стол, распахнула дверь ординаторской, которую Николай, оказывается, закрыл.

Он сидел, развываясь, и смотрел на нее с улыбкой. Неприятно было похотливое, сальное выражение красивого его лица, и Фрида подумала, что Зиганшин никогда не глядел на нее так похабно. Любил Слава ее или нет, желал ли как женщину, но рядом с ним у нее никогда не возникало чувства ужасной неловкости и какого-то иррационального стыда, будто она сама совершила промах.

Фрида вышла на пост и проверила листы назначений, хотя прекрасно знала, что там написано. Доктор формально не сделал ничего плохого, поэтому в неудобном положении окажется именно она, если хоть как-то выскажет свое возмущение.

А если учесть пристрастие Николая Алексеевича трепаться и врать, можно не сомневаться, что завтра вся больница узнает ее с неожиданной стороны, как сумасшедшую истеричку. Это в самом лучшем случае.

Досадуя на себя, что такая трусиха, Фрида осталась на посту. Должен же травматолог когда-то понять, что она не станет отвечать на его заигрывания!

А может быть, она все выдумывает, в конце концов, ее еще со школы считали немножко ненормальной, и зря она поверила, что стала обычной привлекательной девушкой только от того, что понравилась Славе. Любовь отдельно, и придурь отдельно. Никак не связанные понятия. А травматолог просто добродушный и общительный парень, любящий похвастаться, вот и все. Если она сейчас сядет за стол и продолжит работу как ни в чем не бывало, он просто расскажет ей еще несколько эпических баек о доходах врачей в других местах, пометает молнии с проклятиями в адрес неблагодарных пациентов и отправится за свежими слушателями.

И все же Фрида боялась вернуться в ординаторскую.

Вдруг раздался звонок, сопровождаемый громким стуком в дверь. Фрида вздрогнула. Отделение реанимации находилось в отдельном крыле здания больницы, куда вел длинный пустой коридор. На этом этаже располагались только диагностические службы, так что вечерами тут было совершенно безлюдно. Вход в отделение защищен железной дверью, и у хозяиственников никак не доходили руки врезать замок с магнитной ключ-картой, поэтому персоналу приходилось звонить, чтобы попасть внутрь. Все понимали, что громкие звуки не полезны реанимационным больным, самые деликатные доктора заходили через операционный блок, и уж во всяком случае никто из медиков не стал бы сопровождать звонок громким стуком.

Фрида осторожно приоткрыла дверь и увидела за ней троих мужчин. Старший представился родственником недавно поступившего пациента, пострадавшего в ДТП, и потребовал беседы с врачом. Официально Фрида не должна была выходить: время для разговоров с родственниками установлено с двух до трех часов дня, мужчины явно взвинчены и в подпитии,

так что можно ограничиться стандартной формулировкой «состояние стабильное» и предложить за подробностями прийти завтра. Но люди сходят с ума от беспокойства за родного человека, им сейчас очень тяжело, и разговор с доктором, пожалуй, единственный способ облегчить их состояние. Когда болел отец, врачи всегда находили несколько минут, чтобы приободрить Фриду, сделать так, чтобы она не сходила с ума от неизвестности, и она тоже не имеет права уклониться от своего долга.

Фрида вышла в коридор, и мужчины сразу взяли ее в плотное кольцо. Все трое были здоровенные, хорошо одетые мужики, не похожие на наркоманов, но Фриде все равно сделалось не по себе. Начав рассказ о состоянии их родственника, она с досадой заметила, что голос ее слегка дрожит.

Только напомнив себе, что эти люди ждут от нее помощи и поддержки, поэтому надо выглядеть уверенной в себе и компетентной специалисткой, Фрида справилась с волнением и попыталась как можно убедительнее сообщить посетителям, что жизни их родственника сейчас ничто не угрожает.

– Мы хотим его видеть, – вдруг сказал самый молодой из мужчин.

– Простите, но это невозможно, – Фрида встала в дверном проеме, – это реанимация. Подождите до завтра, я надеюсь, его утром переведут в отделение, и вы сможете спокойно навещать своего товарища.

– Нам надо сейчас, – повторил мужчина, – хотим посмотреть, как ты там его лечишь!

Она покачала головой и растерянно оглянулась. Привлеченная шумом, к двери подошла дежурная сестра, такая же щуплая девушка, как сама Фрида, и сразу исчезла.

– Ты что, тупая? – вдруг спросил второй посетитель. – Президент сказал, что мы можем родственников в реанимации навещать, че ты быкуешь?

– Можете в специально отведенное для этого время и по определенным правилам. Сейчас ночь, пациенты отдыхают.

– Ты не поняла? Че ты строишь из себя? Мы имеем право видеть друга и увидим!

Фрида растерялась. Что будет, если трое неуправляемых мужиков ворвутся в отделение реанимации? Они агрессивно настроены и пьяны сильнее, чем ей показалось вначале. Могут натворить что угодно, и не со зла, а просто в пьяном кураже выдернут капельницу у одного, выведут из строя аппарат искусственной вентиляции легких у другого, да и без этого их появление вызовет стресс у пациентов!

Фрида стояла так, что не успевала скрыться за дверью без того, чтобы мужики не поняли ее намерения и не воспрепятствовали ему, поэтому она просто с силой толкнула железную створку, чтобы та захлопнулась.

– Нет, – повторила девушка, – я сейчас не могу пустить вас внутрь. Прошу вас, идите домой, успокойтесь, а завтра вашему товарищу станет лучше, и вы с ним пообщаетесь.

Молодой грубо отпихнул ее и подергал дверь. Убедившись, что та заперта, он несколько раз с силой ударил в нее и нажал на звонок. Фрида подумала, что охрана должна была уже добежать, но коридор оставался пустым.

– Я тебе сказал, быстро впустила, ну!

Фрида покачала головой:

– Поймите, вы сейчас делаете хуже вашему товарищу. Я врач, а вы не даете мне его лечить.

– Пустила быстро, врач хренов!

– Нет.

– Ну все, сука, доигралась!

Тут дверь распахнулась, и в коридор шагнул Николай Алексеевич.

– Пошли вон отсюда, – сказал он, загораживая собой девушку.

И тут же получил удар в живот.

Фрида почувствовала, что от изумления страх ее совершенно прошел. Как такое может быть, что люди бьют человека, который не только не сделал им ничего плохого, но, наоборот, спасает жизнь их ближнему? Может быть, Николай Алексеевич не эталон профессионализма, но как умеет, так и спасает.

– Вы с ума сошли? Прекратите немедленно! – крикнула она.

Дальше Фрида будто в замедленной съемке увидела несущийся ей в лицо огромный кулак. Она не почувствовала боли, но мир будто моргнул и изменился. Звуки стали глухими, как сквозь подушку, и яркий свет ламп в коридоре внезапно померк. Фрида видела только то, на чем фокусировала взгляд, а все остальное терялось в черноте. Кажется, незваные гости убежали, хотя с точностью она не могла этого сказать, и прошло некоторое время, прежде чем она поняла, что сидит на полу в коридоре, прислонясь спиной к железной двери, а по шее сзади течет что-то теплое. Пребывание в этом тусклом мире было мучительно, и хотелось провалиться в небытие, манящее светлыми и радужными красками. Но Фрида тут же вспомнила, что находится на службе и должна или доработать смену до конца, или попытаться найти сменщика, если уж совсем никак не сможет исполнять свои обязанности.

Почти теряя сознание от головокружения и тошноты, она поднялась на ноги и подошла к Николаю Алексеевичу. Его сильно избили, он с трудом поднялся на ноги и выглядел как оглушенный.

Вяло отвечая на вопросы сестер, они добрались до ординаторской. Тошнило почти невыносимо, а когда Фрида взяла в руки историю болезни, то не смогла прочесть ни одной буквы. Все расплывалось, и даже когда она гигантским усилием воли фокусировала взгляд на каком-то слове, то все равно не понимала его смысла.

– Я не смогу доработать, – сказала она, – позвоните, пусть кто-то выйдет. И хирурга срочно сюда, пусть посмотрит Николая Алексеевича.

Тот покачал головой и хрипло заверил Фриду, что с ним все в полном порядке, и сто раз он бывал в драках гораздо хуже этой и всегда выходил победителем, разгоняя несметные полчища врагов, так что просто сейчас попьет водички и зашьет ей рану на затылке.

Оставалось только молиться, чтобы не поступили в отделение больные, пока коллега едет ей на смену. Фрида не была уверена, что в своем теперешнем состоянии сможет оказать квалифицированную помощь, и состояние Николая Алексеевича сильно ее тревожило. Слишком уж он бодр для только что избитого человека.

Дальнейшее Фрида помнила совсем смутно. Она вызвала дежурного терапевта, который был человек опытный и мог подстраховать ее до появления смены, и когда увидела наконец коллегу, с беспокойством заглядывающего ей в лицо, улыбнулась и закрыла глаза.

Не знаю, было ли мгновение нашего единения самым прекрасным мигом моей жизни, или, наоборот, самым страшным, если знать, что произошло потом. Знаю одно – я родилась для того, чтобы пережить эту минуту. Трудно писать об этом – первый секс влюбленных подростков всегда кажется со стороны смешным пустяком. Для всех, только не для них. То, что вызывает смех у взрослых людей, разочарованных и давно потерявших веру во все, кроме самых примитивных радостей, является, может быть, переживанием такой глубины и силы, какое дано испытать только избранным.

Со временем сердце остывает, человек оставляет позади очень много такого, к чему уж никогда не вернуться, и, оглядываясь, с каждым днем видит позади все более длинную дорогу. Горько сознавать, что никогда не случится больше первой любви, первого поцелуя и время романтики и чуда упущено безвозвратно. И человек вглядывается в пройденный путь, пытаясь разглядеть в тумане былого то, чего там никогда не было, но контуры чего обманчиво и маняще вырисовываются теперь. А раз нельзя шагнуть обратно в этот туман, так почему бы не принять его за реальность?

Многие, очень многие люди никогда не знали того, что воображают себе сейчас, но со мной все иначе. Я, наоборот, хотела бы многое забыть или хоть помнить не так остро.

Люди скажут, что никакого чуда не происходило с нами, а просто два подростка столкнулись на пике гормональных бурь, вот и все. Никто не травился, не втыкал в себя кинжал и даже не забеременел, так что единственный ущерб от этой истории – моя слишком беспечно утраченная девственность. Но я не жалела о ней тогда, не жалею сейчас, и будь я проклята, если пожалею когда-нибудь в будущем. Если забуду то чудесное ощущение и вдруг подумаю, что оно того не стоило. Или решу, что оно померещилось мне только сейчас, когда настоящие воспоминания потускнели и потеряли четкость очертаний в тумане прошлого.

Оно произошло с нами, это чудо. Помню, как билось сердце, когда мой избранник первый раз пошел провожать меня до дома, а потом мы поцеловались возле подъезда. Я догадывалась, что будет поцелуй, и страшно волновалась, что нас увидят родители или соседи, и боялась опозориться, потому что раньше никогда ни с кем не целовалась, но как только наши губы соприкоснулись, я забыла обо всем, и мир будто провалился.

Я поняла, что мы созданы друг для друга, и была уверена, что мой возлюбленный тоже это знает, поэтому ждать чего-то, выторговывать какие-то гарантии, прежде чем расстаться с невинностью, казалось мне глупой и пошлой уловкой, недостойной наших чувств. Мы вместе душой и телом, вот и все.

Жизнь моя разрушилась быстро, и слишком рано узнала я горькую боль предательства, но все равно тот год с небольшим, что мы провели вместе, подарил мне такое счастье, что, надеюсь, оно никогда не изгладится из моей памяти.

Мы совсем забросили учебу, ибо все наши помыслы были направлены только на то, чтобы побыть вдвоем. Мы сбегали с уроков и шли ко мне или к нему, а если днем нам никак не удавалось соединиться, то мы скитались по улицам, хищно высматривая любую норку, чтобы юркнуть туда. Не знаю, как теперь, а тогда в Петербурге было много местечек, подходящих для озабоченных подростков, и, думаю, мы испробовали все.

Я спокойно относилась к возможности забеременеть и, думаю, в глубине души даже хотела, чтобы наша любовь воплотилась в новую жизнь. Дети – самое важное, а все остальное как-нибудь да образовалось бы. Но мой возлюбленный был очень осторожен, несмотря на молодость и страсть. Говорил, и так чувствует себя виноватым, что лишил меня первой брачной ночи в полном смысле этого слова, так уж пусть дети родятся как положено. Врал, конечно, а я, дуручка, только больше восхищалась его благородством.

Я таяла, исчезала в своем счастье и никогда не думала о том, что все может в одну секунду измениться. Мой возлюбленный стал частью меня, и предположение, что он меня покинет, казалось таким же абсурдным, как то, что у меня без всяких причин внезапно отвалится голова. Мы – одно целое отныне и навек, и ни разу я в этом не усомнилась.

Наше будущее виделось мне все яснее. Главное – уехать, вырваться из душного мира обыденности и рабства, который только и ждет, чтобы засосать нас. Пожениться мимоходом, без всяких церемоний, и переживать бедность, как приключение, растить детей... Я ничего не боялась и, предвидя удары, которые может нанести нам жизнь, знала, что выстою перед любым из них. Только судьба – большая выдумщица и опытный боец, она бьет туда, где ты чувствуешь себя полностью защищенной.

Не знаю, кто виноват в том, что случилось дальше. Я просто не знала, что школа – это всего лишь инкубатор, там не происходит ничего настоящего, а только тренировка и обучение, репетиция перед жизнью. Я думала, что живу, а на самом деле дозревала в скорлупе иллюзий.

Кто виноват, что мой мальчик думал иначе и решил оставить меня в школьном прошлом, как учебники и старые тетрадки? Может быть, родители сказали ему, что «мужчине надо перебеситься», или «детская любовь – это несерьезно», или вместо этих расхожих штампов какими-нибудь более оригинальными словами внушили ему, что сильное и чистое чувство

к юной девушке смешно и нелепо, а похоть и пьяное валяние по чужим кроватям – это да, это настоящая достойная жизнь. В самом деле, как стать образцовым рабом без секса и алкоголя? А разве могут рабы допустить, чтобы у них вырос свободный человек?

До сих пор не знаю, почему мы расстались. Он испугался ответственности? Понял, что мир населен женщинами, которым он стал теперь интересен? Так или иначе, но он исчез из моей жизни, а я поступила в институт.

Странно, как судьба отнимает у нас все, что мы страстно любим и желаем, и осыпает дарами, к которым мы совершенно равнодушны. В этом правиле почти не бывает исключений. Иногда мне становится даже смешно, настолько моя настоящая жизнь не похожа на ту, о которой я мечтала. Диаметральнo противоположна, как снимок и негатив.

Я поступила на филфак, исполнив этим чью-то чужую мечту. Купила тетрадки. Родители расщедрились мне на новые джинсы – как раз тот стиль, к которому я всегда питала отвращение.

В общем, жизнь повернула в совершенно другое русло, но она продолжалась.

Долго не могла я ходить мимо дома моего возлюбленного, и вообще в городе оставалось мало мест, откуда бы на меня вдруг с острым ножом не могли выпрыгнуть воспоминания. Я даже выходила из дома на десять минут раньше (настоящий подвиг для студентки), чтобы сесть в метро на другой станции, а не на нашей, где все эскалаторы прекрасно помнили наши поцелуи.

Так продолжалось почти всю мою первую студенческую осень. Закатилось румяное осеннее солнце, опала и раскисла золотая листва, и ноябрь запечатал небо свинцом, только тогда я вспомнила, что свободна и должна бы понимать разницу между любовью и дурной любовной зависимостью.

Я заставила себя после занятий поехать прямо к его дому. Посмотрела на внушительную железную дверь парадного. Потом прошла одна нашим секретным путем, постояла на том перекрестке, где мы обычно встречались.

Помню, шел дождь, и я продрогла до того, что не чувствовала пальцев ног, и на душе было тоскливо и горько, но я заставила себя понять, что счастье больше не вернется. И что это не повод отменять свои планы.

В субботу Зиганшин натопил баню, устроив такой знатный пар, что даже немного испугался за Льва Абрамовича. Но дед только фыркнул: «Спокойно, сынки» – и нырнул на полок быстрее их с Максом. Руслан стеснялся своего увечья и никогда не приезжал париться, как бы Зиганшин ни заманивал его.

Вдоволь нахлестав друг друга вениками, они выпили огромное количество зеленого чая и поговорили о всяких пустяках. Лев Абрамович вскоре начал клевать носом и пошел к себе, а Голлербах с Зиганшиным как настоящие сибариты развалились в креслах перед телевизором.

Незадолго до этого Мстислав Юрьевич отправил детей спать, но предвидел, что они воспользуются его расслабленным состоянием и пробесятся наверху до часу ночи. Ничего, завтра в школу не надо, пусть поиграют.

Зиганшин заварил новую порцию чая и, поставив поднос на журнальный столик, испытующе взглянул на своего гостя. Кажется, Макс чем-то опечален, так что даже великолепная баня не смогла его развеселить.

Мстислав Юрьевич был не из тех людей, кто церемонится с близкими друзьями, поэтому напрямик спросил, в чем дело.

– Да сразу и не сказать, – Макс смущенно улыбнулся, – никакой катастрофы, так что прошу прощения за свой кислый вид.

– Да при чем тут! Я просто переживаю. Это из-за вашей девушки?

– У меня нет девушки.

– Да? – удивился Зиганшин. – А как же та красотка Христина, из-за которой вас чуть не закрыли¹? Я думал, у вас все движется куда надо.

Макс пожал плечами:

– К сожалению, она оставила меня. Вернулась из санатория и сказала, что не готова к серьезным отношениям.

– Стандартная отговорка.

– Да, но я не стал ее пытаться. Встретила она другого или просто поняла, что вся полнота жизни не вмещается в наши отношения, не знаю.

– Что ж, это участь всех спасителей, – Зиганшин усмехнулся, почему-то вспомнив Клавдию, – оставаться в одиночестве.

Максимилиан только развел руками:

– Что поделать? Главное, я оказался в нужное время в нужном месте и помог чем сумел, на том и спасибо.

Зиганшин промолчал. Он сам не участвовал в оправдании Макса, но именно благодаря его делу обратил внимание на Лизу Федорову. Она казалась ему довольно нерадивым следователем, и когда усомнилась, что Макс убил бывшего мужа своей возлюбленной, несмотря на вполне убедительные улики, Мстислав Юрьевич впервые подумал, что есть в ней потенциал.

Девушка во время расследования получила тяжелую травму, и Макс потратил все свои сбережения на ее лечение. Зиганшин был уверен, что теперь, когда Христина поправилась, у них с Голлербахом все хорошо, и узнать, что это не так, стало неприятным сюрпризом и лишним аргументом в пользу того, что женщины – существа коварные и беспринципные. А с другой стороны, как иначе? Бедняга была в коме и не могла ни от чего отказаться, решение Макс принимал самостоятельно. Что ж ей теперь из благодарности жить с ним? Из свободного человека превратиться в выгодное приобретение?

Макс, кажется, не жалеет о потраченных капиталах, как и Фрида не сильно убивается о потерянной ради лечения отца квартире. Необратима только смерть, а деньги всегда можно заработать.

Зиганшин быстро встал и вышел, чтобы скрыть вдруг охватившее его волнение. Мысль, что они с Фридой никогда не будут вместе, будто ужалила его. Последние дни подобное случалось с ним часто, он, как разбуженный, вдруг понял, что никогда она его не простит. Между тем неожиданная встреча с Леной навела в его душе полные ясность и порядок. Он понял, что первая любовь прошла вместе с юностью. Прошлое – в прошлом, и когда это осознаешь, обретаешь свободу и спокойствие, которые стоят того, чтобы пережить тоску об утраченном.

Но Фриду отпускать никак не хотелось. Может быть, когда-нибудь она и станет прошлым, и он будет вспоминать ее так же светло и радостно, как Лену, но не теперь. И очень не скоро.

Зиганшин поднялся к Свете и Юре и, по доносящемуся из-за двери сдавленному шепоту убедившись, что они еще не спят, поклялся у детей шоколадку. Света достала со дна своего огромного школьного рюкзака, заключавшего в себе, кажется, всю мудрость человечества, половинку батончика и остатки шоколадной плитки, аккуратно завернутые в фольгу.

– Я все компенсирую, – пообещал Зиганшин и понес угощение Макс.

Честно поделив добычу, приятели стали пить чай.

Зиганшин снова спросил о причинах подавленного настроения друга, и Голлербах признался, что у него неприятности на работе.

– Меня обвиняют в сексуальном домогательстве к пациентке, – сказал он, улыбнувшись немного смущенно.

От удивления Зиганшин не нашел слов и только присвистнул.

---

¹ Прочитать об этом можно в романе М. Вороновой «Кроткая заступница», издательство «Эксмо», 2016 г.

– Эпопея эта давно уже тянется, – вздохнул Макс, – и я надеялся, что все заглохло, но нет. Пошел новый виток.

– Я даже не стану спрашивать, есть ли какие-то основания для подобных обвинений. Вы вроде уравновешенный человек, а нужно быть сильно с левой резьбой, чтобы приставать к сумасшедшим.

– По медицинским канонам моя пациентка не сумасшедшая, а вполне себе нормальный человек, – сказал Макс, – этот прискорбный эпизод произошел давно, когда я был еще женат и ради заработка подвизался на ниве психотерапии. Строго говоря, обсуждая с вами этот случай, я немножко нарушаю врачебную тайну, но раз не называю имен, то оно и ничего. Вообще психотерапия – занятие довольно тонкое, с ее помощью очень легко все понять и объяснить и крайне трудно что-то исправить, особенно если дело касается пограничников.

– Почему? – изумился Зиганшин. – Что такого в них особенного?

Макс засмеялся:

– Пограничников не в смысле рода войск. Мы так называем особую категорию пациентов, или, правильнее, клиентов, людей, балансирующих на грани нормы и патологии, хотя лично я обозначаю их термином «псевдотравматики». Вам, наверное, скучно все это слушать, но, боюсь, без объяснений вы станете считать меня распутником.

– Мне очень любопытно.

– Понимаете, Мстислав, одна из самых больших несправедливостей жизни заключается в том, что люди, пережившие в раннем возрасте тяжелую психологическую травму, остаются всю жизнь глубоко несчастными. У меня не поворачивается язык назвать их больными или калекками, потому что часто они становятся вполне успешными, имеют зрелые убеждения, умны и способны к сопереживанию, просто им недоступны радость и непосредственность восприятия. И требуется колоссальная работа, чтобы вернуть им это хотя бы отчасти. К таким людям я испытываю глубокое уважение и стараюсь помочь всем, чем могу. Но недавно я обнаружил, что некоторые пациенты причисляют себя к травматикам без веских на то оснований. Да, может быть, родители были излишне авторитарны или, наоборот, равнодушны. Возможно, не уделяли внимания желаниям ребенка и слишком рьяно заставляли учиться. У каждого человека в душе хранится целое досье обид на родителей.

– У меня нет. Реально! – Зиганшин нахмурился, пытаясь припомнить хоть что-нибудь! – Вот серьезно, ничего не выплывает. Только, наоборот, блинчики.

– То есть?

– Я один раз маленький болел и лежал в кровати. Мама мне принесла блинчики, и чтобы мне было проще есть, заранее их нарезала на кусочки, а я так не любил. В общем, я вдруг зарыдал и крикнул, чтобы она их склеила. Главное, сам был уверен, что за такую наглость получу сковородкой по башке, а все равно орал. И вдруг мама говорит: «Ладно» – и через пять минут приносит мне совершенно целые блины. Я прямо офигел! Долго размышлял, как ей это удалось, и только через много лет сообразил, что она новые просто напекла.

– Вот видите! А наверняка родители не во всем вам потакали?

Зиганшин пожал плечами:

– Трудно сказать. Но они никогда мне ничего не запрещали без того, чтобы я не понял, почему это делать реально не надо. Консенсус у нас был всегда.

Макс улыбнулся:

– Ну тогда считайте, что вам необычайно повезло.

– Я знаю.

– А вообще люди растут среди людей, а не в оранжерее с идеальными воспитателями, и взрослые то и дело совершают промахи, которые оставляют глубокие зарубки на сердцах детей. Но есть люди, у которых эти зарубки не заживают никогда. Они ничего не помнят из своего детства, кроме обид, и каждый день переживают их заново и растравляют, выдавая за

глубокую психологическую травму. Их я и называю «псевдотравматики», и, к сожалению, они составляют львиную долю клиентуры психотерапевта.

Зиганшин подлил в чашки еще чайку и кивнул приятелю, который, кажется, колебался, рассказывать дальше или нет.

– Эти люди тонут в океане жалости к себе, – продолжал Макс, – ищут снаружи то, что можно обрести только внутри себя, и от этого вся их личность состоит из ужасных противоречий. Раз уж у нас с вами пошел откровенный разговор, признаюсь, что я сам был таким.

– Да ну прямо!

– Вот и прямо! Единственное, что я не обивал пороги психотерапевтов, а так жевал жвачку детских обид не хуже какого-нибудь барана. А потом в одну секунду как пережмнуло. Знаете, бывает иногда, провалишься в воспоминание? Так живо все представишь, словно в кино или на фотографии?

– Бывает, да.

– И вот я провалился в одно воспоминание, жемчужину своей коллекции обид, и вдруг понял, что этот мальчик уже не я. Когда-то был мной, а теперь отпочковался и стал так же реален, как герой любимой книги или фильма. Сколько бы я ни думал о нем, я ничего не могу для него сделать, ничего изменить, подсказать или исправить. Я не могу управлять этим мальчиком, но почему-то позволяю ему управлять собой. С какой стати? Детство мое прошло, и если я буду жить в прошлом, то останусь без будущего. И чем страдать по недополученной материнской любви, лучше полюбить мать, пока она еще жива. В общем, такое.

Зиганшин сочувственно кивнул, не зная, что ответить. Он не умел делиться собственными переживаниями и не привык, чтобы люди с ним были откровенны, кроме редких случаев чистосердечного признания. Как реагировать? Скажешь банальность, собеседник решит, что ты глупый человек, и вообще не думал над тем, в чем он исповедовался тебе. А начнешь придумывать свое, так решит, будто ты над ним смеешься. Макс, кажется, понял его замешательство, потому что с улыбкой продолжал:

– Почти никогда не бывает так, чтобы человек понял важную для себя истину и не захотел тут же ею поделиться с миром. Вот и я решил нести свет и радость людям и стал рьяно набирать себе пациентов-пограничников, несмотря на то что все мои коллеги бегут от таких, как от чумы. Я решил, раз я такой умный, да плюс еще личный опыт, то уж так людям помогу, что просто ужас! Стыдно теперь вспомнить, как я осуждал коллег за то, что они не бросаются на помощь несчастным страдальцам, будто Гиппократ не для них клятву написал! Счастье, хоть ума хватило вслух не высказываться на эту тему. Не буду утомлять вас лишними подробностями, скажу только, что потратил кучу нервов и не добился никакого результата, кроме того, что сам чуть не свихнулся. Много пришлось пережить скандалов, слез, истерик и оскорблений, прежде чем я понял, что психотерапия этим людям не нужна.

– Не помогает?

– В том и суть, что не «не помогает», а именно «не нужна»! Они ужасно страдают от багажа своих детских обид, но попробуй отними! Любые попытки как-то смягчить остроту переживаний вызывают настоящую ярость. От психотерапевта они хотят не чтобы он помог им измениться, а чтобы изменил мир вокруг них, чтобы люди наконец признали их исключительно несчастными и особенными и обращались соответственно, как с тяжелобольными. Бытует мнение, что пациенты влюбляются в своего психотерапевта – и действительно, они очень быстро становятся зависимы от него, требуют дополнительные сеансы, требуют общения помимо терапии и всеми возможными способами пытаются занять центральное место в жизни доктора. Но это не любовь и даже не влюбленность. Просто им надо заручиться поддержкой, убедиться, что психотерапевт на их стороне и исправно выполняет возложенную на него миссию по изменению мира.

– Но это бред какой-то, – фыркнул Зиганшин.

Макс покачал головой:

– Для вас бред, а для людей – стройная и логичная концепция. У пограничников вообще талант увязывать совершенно противоположные понятия. С одной стороны, они всегда во всем правы и непогрешимы и лучше всех все знают, а с другой – категорически не желают брать на себя ответственность, даже самую минимальную. Всегда виноват кто-то другой.

– Все так, – улыбнулся Зиганшин, – каждый имеет четкое представление, как надо управлять страной, а коммуналку вовремя заплатить – зачем?

– Ну да, у нас в стране большая доля пограничников. Это же передается, как эстафета, к сожалению. У пограничных родителей редко вырастают дети со здоровой психикой. Но тут нетерпимость к критике доведена до высшей точки: человеку ни в быту, ни на работе, ни даже на сеансе нельзя сделать даже маленькое замечание. Пациент сразу забывает обо всем остальном и не успокаивается, пока не докажет, что вы не правы и обвинили его совершенно напрасно. В крайнем случае, если уж совсем нельзя придумать никакого оправдания себе, вынимается козырь: как вы могли меня упрекать, при моей-то заниженной самооценке? Но о том, как исправить сложившуюся ситуацию, он не задумается ни на секунду.

– Так если человек себя считает непогрешимым, значит, у него самооценка высокая. По логике-то?

– По логике-то да. Но когда работаешь с пограничниками, о логике лучше забыть, чтобы не свихнуться. Кстати, эти люди интеллектуально стоят довольно высоко и с упоением читают специальную литературу, но воспринимают только фрагменты, служащие к оправданию их образа мыслей, и игнорируют все остальное. Они кучкуются на всяких психологических форумах, где с ходу объявляют себя безресурсными клиентами и с умилением повторяют, что с ними нужно осторожненько, по шажочку, и аккуратно выпаивать их бульончиком настоящей любви. Они лучше любого психиатра знают, что нельзя говорить человеку в депрессии, чтобы он делал над собой усилие, и без колебаний диагностируют у себя это расстройство. Говорят, как им необходимо понимание и принятие, и проклинают своих психотерапевтов, которые этого не дают. Но самое главное: удивительная способность пограничников не только отрицать всякую значимость собственных действий, но и даже забывать, что эти действия вообще имели место. Поэтому они с легкостью совмещают несовместимые понятия. Намекаешь, что надо попытаться взять себя в руки, тут же получаешь, что, мол, невозможно. Я в депрессии, и моя депрессия не такова, как у обычных людей, а совершенно эксклюзивна. Ну, раз эксклюзивна, предлагаешь медикаментозную терапию – и тут же получаешь суровую отповедь: как это можно нормальным людям лекарства для психов назначать?! Ну и так далее. После каждого сеанса с подобным товарищем остаешься с мыслью, что сам тронулся умом, а если пограничников несколько в день проходит, то впору головой о стенку биться. Не так давно я выработал для себя критерий – если пациент готов хотя бы попытаться рассмотреть идею, что его родители не самые ужасные чудовища на земле, то я продолжаю с ним работу, а если даже легкие намеки на примирение вызывают ярость, то пытаюсь всеми возможными способами передать пациента другому специалисту. Ну, разумеется, если родитель не сделал ничего реально ужасного. Даже странно, как подобные товарищи самозабвенно воображают себя маленьким ребенком, нуждающимся в утешении, но ни за что не принимают того утешения, которое родители готовы им дать.

– «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал, а как стал мужем, то оставил младенческое», – процитировал Зиганшин, – пусть родители гнобили в детстве, но детство-то закончилось, можно похоронить обиды там и общаться как взрослые люди.

– Вот именно! Только понять это могут далеко не все. Ладно, хватит теории. Я обещал рассказать о своих домогательствах, а вместо этого прочел скучную лекцию.

– Что вы, очень интересно! Я даже вспомнил нескольких сослуживцев, которых считал просто козлами, а оно вон как... Но вы про домогательства все же расскажите.

– В общем, ходила ко мне одна дама, желая, чтобы я сделал ее счастливой, безмятежной и успешной, так чтобы ей не пришлось самой прилагать к этому никаких усилий. Сначала я ей сочувствовал и старался помочь, как только мог, даже предлагал провести несколько бесплатных сеансов с ее матерью или совместный сеанс, чтобы они нашли общий язык, но это вызвало такую бурю негодования, что пришлось закрыть тему. Дама оказалась навязчивой и требовала, чтобы я позволил ей писать в почту, хотела разговаривать по скайпу, словом, чтобы я был всегда доступен для общения. Я долго сопротивлялся, но в недобрый час пожалел ее и дал свою почту и номер телефона, чтобы она обращалась, если станет совсем уж невыносимо. К сожалению, психотерапевт, если хочет помочь, а не просто заработать денег, часто вынужден говорить клиенту не самые приятные вещи, так вот любое мое замечание делало ее жизнь невыносимой, и я получал ночные звонки и кучу пространных писем, где доказывалось, как я был не прав. В общем, слушать меня она не желала, но, кажется, пребывала в убеждении, что у меня есть волшебная палочка и мне ничего не стоит приказать миру измениться так, что все люди станут ею восхищаться, жалеть и прислуживать. Словом, только глупая вредность мешает мне превратить ее в царицу мира.

– Так послали бы ее подальше. Как обычные врачи делают: хочешь лечиться – лечись, а нет – иди к черту.

– В то время я еще верил в себя и надеялся, что смогу до нее достучаться. И я, черт возьми, думал, что в ответе за тех, кого приручил. Помню, она сказала, что впадает в зависимость от меня, я что-то попытался вякнуть и тут же получил суровую отповедь, что это целиком и полностью ответственность психотерапевта, именно он должен уметь провести черту, а раз я не сумел, то должен терпеть. Да мне тупо было неудобно. Как это я возьму и брошу человека, который так во мне нуждается. Гордыня, что ли, обуяла меня или глупость просто, не знаю. Самое смешное, что она никогда не воспринимала меня как потенциального любовника или возлюбленного, а, наоборот, хотела назначить меня на роль родителя, но когда выяснилось, что функции родителя состоят не только в том, чтобы потакать и ублажать, а надо дитя еще и воспитывать, тут произошел перелом. Я превратился в такое же чудовище, как ее мать, и стал объектом лютой ненависти. Мы провели еще несколько сеансов, где я, как последний идиот, пытался ее урезонить, но успеха не добился, услышал только, что я груб, некомпетент и загнал ее в ретравму. Ушла, хлопнув дверью, и принялась строчить на меня жалобы во все инстанции, как заведенная. Сначала на форуме опубликовала целую эпопею о том, какой я идиот, ходить ко мне напрасная трата времени и денег, но никто особенно не отреагировал на ее откровения, и даже в комментариях было несколько доброжелательных откликов обо мне, чего от психопатов вообще редко дождешься. Тогда она написала в прокуратуру, и в нашу этическую комиссию, и в ректорат, и в Роспотребнадзор, что я хотел ее изнасиловать во время сеанса. На форуме поместила душераздирающий рассказ, как она пришла, вся такая безресурсная, в приступе панической атаки ко мне за помощью, а я сначала морально ее нагнул, а затем и физически. Ну и понеслось расследование.

– Да уж, – вздохнул Зиганшин, – мужику нелегко оправдаться и откреститься от подобных обвинений. В прокуратуре ладно, там люди конкретные сидят, они без веских доказательств шевелиться не станут, а в более гуманных организациях, наверное, другой подход. Дыма без огня не бывает, стало быть, грешен в чем-то человек, раз женщина такое говорит. Может, и не изнасиловал, но целоваться лез, по крайней мере встречаться предлагал, а, насколько мне известно, личные отношения с пациентами у вас порицаются почти так же, как у нас связи с фигурантами дел.

Макс со вздохом заметил, что Зиганшин прав. Прокурорские отвязались от него быстро, в Роспотребнадзоре немножко помотали душу и тоже успокоились, а в этической комиссии

развернулись хорошо, так что, может быть, и лишат его права работы психотерапевтом. В их среде конкуренция большая, так что всем выгодно, чтобы профессор Голлербах выпал из игры.

– А на основной работе как отреагировали?

– Поржали. Тот не психиатр, кого пациенты во всех грехах не обвиняли. Я почти уверен, что эти разбирательства ничем не кончатся, но все равно муторно ходить и доказывать, что ты порядочный человек, а не какой-то там похотливый бабуин. Она еще, как назло, девица довольно красивая, и легко поверить, что я ее вождедел.

– Ну мало ли красивых девчонок по улицам ходит, что ж теперь?

– Помните, меня обвиняли в убийстве?

Зиганшин кивнул и заметил, что у Макса вообще-то слишком богатая криминальная биография для скромного доктора наук.

– Тогда я, конечно, не обрадовался, что стал главным подозреваемым, но понимал, что улики против меня достаточно веские, поэтому оставалось только склонить голову перед превратностями судьбы и надеяться на Лизу, которая в то время была для меня следователем Федоровой. Все это было грустно, неприятно, страшно, но понятно и логично. А когда на основании голословных обвинений, не подкрепленных вообще ничем, второй год мотают душу, а ты стоишь, как дурак, и не знаешь, что сказать, потому что оправдываться глупо, а доказать свою невиновность ты не можешь точно так же, как эта пациентка не может доказать твою вину...

Макс развел руками, и Зиганшин с досадой подумал, что чем чище у человека душа, тем проще замарать ее разными нелепыми обвинениями. К негодяю не полезут, догадываясь, что он оплатит той же монетой, причем быстро и сполна, а порядочный и честный доктор чем опасен? Совесть не позволит ему навредить своему обидчику, тем более он клятву Гиппократ давал! Так зачем же скромничать, давайте лить весь свой негатив на головы врачам, ибо бояться нечего, ответочка не прилетит.

– Самое смешное, что для терапии она была безресурсной пациенткой, совсем не имела сил работать над собой. А когда решила мстить, сразу энергии появилось огромное количество, просто неиссякаемый источник забил! – фыркнул Макс.

– Если бы энергию всех жалобщиков направить в созидательное русло, страшно подумать, что могло бы получиться. А то у нас сейчас столько инстанций, куда можно свою кляuzu занести, что просто глаза разбегаются. Будто специально, чтобы гражданин понял, что он – никто. От него ничего не зависит. Винават всегда кто-то другой.

Макс задумчиво кивнул и, взглянув на часы, заметил, что пора спать. Зиганшин согласился, внезапно почувствовав, как его разморило после бани и серьезного разговора.

Поднявшись, чтобы идти в отведенную ему мансарду, Макс вдруг остановился в дверях и сказал:

– Прошу вас, никому ни слова. Мне и так неловко, что я с вами поделился, но, ей-богу, не мог больше в себе держать. Вы только не думайте, что я злюсь на эту пациентку или желаю ей плохого, ни в коем случае. Больной человек, что возьмешь?

– Кое-что возьмешь, – улыбнулся Зиганшин, – на учет в психоневрологический диспансер, например, поставишь. Чтобы ни ружья, ни автомобиля, а только дама в очках. А если признают здоровой, то пусть несет ответственность за клевету. У нас вообще-то свобода, честь и достоинство личности пока еще охраняются законом.

– Любой личности, кроме врача, – засмеялся Макс, – а если серьезно, то есть какая-то очень горькая ирония в том, что люди вроде моей преследовательницы не понимают нормального человеческого общения и отталкивают тех, кто желает им добра, но если находится манипулятор, готовый играть с ними в их психопатические игры, то нет подвига, который они ради него бы не совершили.

После стычки с неадекватными родственниками Фрида заработала серьезное сотрясение мозга, а Николай Алексеевич – множественные переломы ребер и пневмоторакс. Бедному

травматологу коллеги поставили дренаж и госпитализировали, а Фрида хотела пойти домой, но, встав на ноги, почувствовала такое сильное головокружение, что поддалась уговорам врачей и осталась в больнице. Ее положили в двухместную палату, санитарочка помогла промыть волосы от запекшейся крови и сбегала к Фриде домой за халатиком и чистым бельем. Девушке было даже немного неловко, что все так о ней заботятся.

Соседка по палате, женщина лет пятидесяти, лежала на скелетном вытяжении после ДТП, в котором потеряла мужа. Фрида старалась помогать ей и ободрять, хотя сама плоховато понимала, что происходит вокруг, и больше всего на свете ей хотелось укрыться одеялом с головой и провалиться в сон, который, впрочем, не спешил снизойти на ее пострадавшую голову, и большую часть времени Фрида находилась в некоем подвешенном состоянии: пребывая в реальности, она все же не могла ясно осознавать ее.

Николай Алексеевич навестил ее, зашел в палату бодро и уверенно, помахивая дренажем, как тросточкой, но стоило ему попытаться сесть, как сломанные ребра напомнили о себе, и бедный травматолог скривился от боли. Фрида улыбнулась ему и покраснела, вспомнив, как плохо думала о докторе, а он защитил ее. Как знать, что случилось бы с ней, если бы Николай Алексеевич не вышел? Была бы она сейчас жива, большой вопрос.

Наскоро спросив о ее здоровье, травматолог начал крыть администрацию, которая уже приходила в лице главврача и начмеда и очень возмущалась, что доктора дали делу ход, а не обставили так, будто «упали сами». Ни одного слова сочувствия руководством произнесено не было, не говоря уже о благодарности, что Фрида с Николаем Алексеевичем не позволили явно неадекватным и агрессивным людям проникнуть в отделение реанимации. Обругав всех, что вынесли сор из избы, администрация удалилась, выпустив парфянскую стрелу: дали распоряжение заведующему переселить докторов из платных палат в общую, поскольку у них нет полисов ДМС.

– А меня почему не вызвали? – спросила Фрида.

– Мы сказали, что у тебя сильное сотрясение, ты под транквилизаторами и все равно ничего не соображаешь, – засмеялся Николай Алексеевич, – на кой черт тебе весь этот бред слушать?

– Спасибо. Так мне в общую палату собираться?

– Ага, сейчас! Сиди тут и никуда не смей двигаться. У меня хорошие адвокаты есть, так они их нагнут по полной! Оформим нам производственную травму и такую компенсацию отсудим, что мама не горюй!

Фрида знала, что нет у Николая никаких хороших адвокатов, все это пустое бахвальство, да она и сама чувствовала, что произошедшее с ней нельзя измерить никакими деньгами. Если обойдется без последствий, то просто забудется, а нет – возможно, даже за большие деньги не получится вернуть прежнее здоровье.

Несмотря на слабость и тошноту, Фрида убрала постель и легла поверх покрывала, закрыв лицо полотенцем. Не хотелось, чтобы сослуживцы видели ее в расхристанном состоянии.

Читать она совершенно не могла, телевизор не любила и не включала, чтобы не тревожить соседку, поэтому оставалось только думать.

С этим травмированная голова тоже справлялась неважно. Мысли обрывались как раз в тот момент, когда Фриде казалось, что она додумалась до чего-то важного, но пока девушка пыталась ухватить за хвост ускользающую идею, забывала самый предмет своих рассуждений.

Только одно было ей совершенно ясно: она скучает по Славе. Помимо воли всплывали четкие и безмысленные воспоминания, как сосед чинит им с дедушкой крышу, а она снизу наблюдает за его ловкими движениями и продумывает алгоритм собственных действий на случай, если он упадет. А вот он ведет детей в лес, и Фрида очень хочет тоже пойти, но стесняется напрашиваться.

Так хотелось снова увидеть его! Наверное, после травмы она сильно ослабла духом, потому что разрыв со Славой вдруг перестал казаться правильным и необходимым.

Фрида с трудом вспоминала свою прежнюю систему аргументов и не обнаруживала в ней былой стройности и безупречности, совсем наоборот. Голову заполняли разные мысли, которые она пока не могла развить до логического конца.

А если бы эти агрессивные мужики все же прорвались в ординаторскую? Если бы пришлось выбирать между жизнью кого-то из них и безопасностью пациентов, что бы она сделала? Преодолела бы барьер, отделяющий обывателя от убийцы, или позволила бы негодяям разгромить реанимационную палату? Проявила бы милосердие к агрессорам ценой жизни беззащитных пациентов? А у Славы дети, такие же беззащитные, и он обязан делать все для их безопасности, так же, как и она для своих больных. Дальше: Николай Алексеевич – здоровенный дядька, настоящий богатырь, и вполне могло так случиться, что он не рассчитал бы сил и, защищаясь, устроил кому-то из хулиганов перелом основания черепа. Или просто толкнул бы, а противник упал крайне неудачно. Всякое бывает, и далеко не всегда сила травмирующего воздействия соразмерна с внутренними повреждениями. Можно выпрыгнуть с четвертого этажа и остаться невредимым, а можно поскользнуться и упасть замертво. Но вопрос в том, стала бы она осуждать травматолога, если бы кто-то из их противников погиб по его вине? Положа руку на сердце – нет. Зато официальное правосудие не нашло бы ему никаких оправданий. Как же, он же врач! Милосердный гуманист! Самоотверженный аскет и непротивленец! Когда его бьют всякие ублюдки, он должен понимать, что они просто волнуются за своего родственника, и безропотно все сносить, а потом еще обязательно смазать зеленкой их пудовые кулаки, если вдруг они поранятся о докторские зубы.

Фрида понимала, что в рассуждениях ее недостает стройности и логики, что-то важное она выпускает из виду и, наверное, когда поправится, снова все обдумает и поймет, что решение не встречаться было правильным, но сейчас она очень тосковала по Славе.

– Добрый вечер!

Услышав знакомый голос, Фрида сдернула с лица полотенце и хотела вскочить, но Слава быстро остановил ее:

– Лежите-лежите, прошу вас! – Он обернулся к соседке: – Здравствуйте, я вам не мешаю?

Только услышав благосклонный ответ, он придвинул стул к Фридиной кровати, сел и стал ловко доставать из пакета разные гостинцы, которые люди обычно носят в больницу.

Фрида смотрела на него, почти физически чувствуя, как сердце наполняется нежностью и каким-то глупым умилением от того, что Слава такой вежливый и деликатный человек, спросил разрешения у соседки, прежде чем войти.

– Как вы узнали? Я ничего не говорила дедушке.

– Или я не опер? – хмыкнул Слава и, взглянув на соседку, понизил голос почти до шепота. – У меня как раз гостил приятель, он доктор и сидит в медицинской группе соцсети. Там опубликовали про очередной наезд быдла на докторов, он рассказал мне, мол, надо же, какое совпадение, прямо рядом с нами, ну а я уж метнулся скорее сюда.

Рассказывая, он быстро и ловко разложил на тумбочке воду, фрукты и шоколад.

– Пока были не приемные часы, я к коллегам заехал, жалом поводил насчет вашего инцидента.

– И как?

– Да никак! – Слава с досадой махнул рукой. – Установочных данных никаких. Камеры у вас так повешены, чтобы только за докторами подсекать, как они взятки берут и пациентов губят почем зря. Известно же, у нас в стране преступники только врачи, а остальные просто больные люди. Короче говоря, номер машины не зафиксирован, лица их тоже на камерах не засветились, одна надежда на того товарища, к которому они приходили, но он не дурак же

совсем, пацанов сдавать! Так что, Фрида, будьте готовы, что ваши обидчики останутся безнаказанными.

– Да бог с ними!

Она поморщилась и попыталась сесть, но Слава придержал ее за плечо:

– Лежите, пожалуйста, а то мне придется уйти. Даже глаза закройте, если вам легче, я просто посижу немножко, и все. Дети просились вас навестить, но я подумал, что не нужно. Все же они еще маленькие и не умеют себя вести так, чтобы никого не потревожить.

– И для них стресс какой! Я бы очень хотела повидать ребят, но только не в больнице.

– С другой стороны, жизнь есть жизнь, – вздохнул Слава, – никуда не денешься от болезней и неприятностей. Как вы справляетесь, Фрида?

– Да ничего. Лежу себе и лежу.

– А в моральном плане?

– Так что ж в моральном? Я ничего плохого не сделала, разве что у меня недостаточно мягкая голова оказалась для хулиганского кулака.

Слава засмеялся, но тут же оборвал себя и извинился перед соседкой.

– Если вы почувствуете, что я мешаю, пожалуйста, скажите сразу, – попросил он, – я сам лежал в больнице и знаю, как трудно выносить общество посторонних людей.

– Не волнуйтесь об этом, – скупно улыбнулась соседка, – ко мне никто не ходит, так что я даже рада новому лицу.

– Тогда давайте покушаем! – Слава быстро нарезал дыню на тарелку и помог женщине устроиться в кровати поудобнее.

«Как он непринужденно берет под крыло тех, кто нуждается в его защите, – подумала Фрида, – детей, нас с дедушкой, теперь эту даму. Не изучает нас, не анализирует, достойны мы его заботы или нет, а просто он сильный, мы – слабые, вот и все. Инстинкт. И Слава никогда не предаст и не подведет, но если я вдруг исчезну из его ближнего круга, он не станет сильно убиваться и страдать, а просто найдет другую девушку, такую же беспомощную, как я, чтобы о ней заботиться. Сильные люди самодостаточны»...

Она взяла в рот маленький кубик дыни, но приятный и свежий вкус сладкой мякоти быстро сменился тошнотой, так что пришлось опустить голову на подушку и закрыть глаза.

– Фрида, вы меня не стесняйтесь, – негромко сказал Слава, – говорите со мной, как солдат с солдатом.

– Я офицер, – прошептала Фрида, – лейтенант медицинской службы.

– Да? Ну ладно. Я просто знаю, что насилие трудно пережить даже здоровому мужику, а уж такой хрупкой девушке, как вы... Особенно когда вы к людям со всей душой, а они вас избивают. В одну секунду ломаются все личные границы, исчезает безопасная зона и вообще представление о мире как о довольно приятном месте. Это непросто осознать.

– Я об этом пока не думала. Пока вы не сказали.

– Ну, может быть, у женщин действительно иначе, – мягко улыбнулся Слава, – да и вообще мне трудно судить, потому что меня никогда не били. Драться – дрался, а в такую ситуацию, как вы, не попадал. Наверное, потому, что я крайне редко выходил к людям с открытой душой и добрыми намерениями. Можно сказать, и не бывало никогда такого.

Фрида улыбнулась.

Они еще немного пошептались и договорились о том, что Льву Абрамовичу не стоит знать о приключениях внучки. Слава спросил, не нужно ли ей привезти каких-нибудь лекарств, а потом Фрида закрыла глаза и задремала под его тихий разговор с соседкой, а когда проснулась, посетителя уже не было.

Только когда наступила зима, вместе с первым снегом я поняла, что жизнь, конечно, одна, но дает нам несколько попыток. Если моя первая любовь окончилась так грустно, это не

значит, что я должна оставить надежду на счастье. Если мой возлюбленный смотрел на нашу любовь как на репетицию настоящих чувств, наверное, мне следует точно так же о ней думать – что счастье было учебным, вот и все.

Как ни грустно это сознавать, но женским сердцем тайно управляют биологические инстинкты. Я не имею в виду половое влечение, оно как раз редко овладевает нами настолько, чтобы мы не контролировали ситуацию, нет, я говорю о стремлении к выживанию вида. Мы стремимся дать потомство от самого лучшего экземпляра, чтобы хомо сапиенс развивался и процветал, и с негодованием отвергаем идею размножаться совместно с каким-нибудь хилым ботаном. Этот ботан может быть бесконечно умным и порядочным, но что толку, если он не способен выживать в условиях дикой природы? Поэтому предательство красивого и сильного самца редко нас чему-то учит, и мы, поплакав вдоволь, обращаем свой взор на точно такого же, который бессознательно выполняет свою собственную биологическую программу – оплодотворить как можно больше женщин.

Не хвастаясь, скажу, что пользовалась успехом и могла выбирать кавалера из лучших университетских парней, но не принимала ничьих ухаживаний. Нет, я не боялась нового предательства и не дула на воду, обжегшись на молоке. Напротив, я уже знала, каково это, когда тебя бросают, и знала, что смогу снова это пережить. Бояться боли унизительно для свободного человека, но сближаться без любви, без тени чуда – тоже ничего хорошего.

Ни к кому из своих поклонников я не чувствовала того, что пережила в выпускном классе, а заводить роман ради того, чтобы не быть одинокой, казалось мне таким же разумным, как есть землю, чтобы утолить голод.

Моя неуступчивость только подстегивала интерес молодых людей, и к Новому году я превратилась в самую популярную девушку на курсе. Даже преподаватели поглядывали на меня с интересом, и я чувствовала, что на сессии не буду иметь особых проблем.

Мои высокие рейтинги привлекли не только мужское внимание. Со мной захотела дружить самая крутая девчонка курса, которая не была особенно умной или красивой и не достигала высот духовного развития, просто ей посчастливилось родиться в семье очень крупного чиновника. Не знаю, почему родители не отправили ее учиться за границу – из политических ли соображений, или же она при всех папиных деньгах недотягивала до нужного уровня, но факт есть факт, она была с нами, эта горлица среди ворон. Большинство студентов принадлежало к состоятельным семьям, все хорошо одевались, ходили в пафосные кафе, некоторые ездили на машине, но только нашу звезду возил шофер на черном «Мерседесе», комфортом и тихим урчанием мотора напоминавшем холеного кота. Она была девчонка прогрессивная и понимала, что истинный шик – в презрении к шику, и часто одевалась как попало, но обувь, сумочка и прическа всегда расскажут правду.

Я всегда презирала завистников, и если чувствовала, что в душе пробиваются ростки этого недостойного чувства, безжалостно их выдергивала, поэтому относилась к нашей звезде с симпатией и ценила ту искренность и доброжелательность, с которыми она относилась к людям. Мы быстро нашли общий язык, и в основном благодаря ее манерам быстро преодолели неловкость, неизбежно возникающую, когда начинают дружить люди из разных социальных групп. Впрочем, сейчас я выразилась не совсем точно. Мировоззрение у нас было схожее, так что социальная группа у нас была, пожалуй, одна, а разным – только уровень благосостояния.

Вскоре новая подруга ввела меня в свой семейный круг, где я, кажется, произвела хорошее впечатление, потому что меня стали приглашать.

Надо отдать должное родителям подруги: ни разу я не почувствовала себя жалкой приживалкой, живой игрушкой, купленной для любимой дочери, нет, меня принимали как настоящую гостью.

В их загородном доме я встретила будущего мужа.

Помню, мы приехали готовиться к экзамену, прихватив с собой нашу отличницу Ирочку: сто кило крови с молоком, нос пуговкой и взгляд разбуженной совы.

Ирочка должна была объяснять нам трудные билеты в обмен на привилегию считаться нашей подружкой.

Все утро мы просидели за книгами и осилили довольно много разной премудрости, но после обеда девчонки вдруг улеглись на диван и крепко уснули.

Я с детского сада не умела спать днем, поэтому оделась и вышла в сад.

Помню, день выдался тогда необычайно ясным для нашей хмурой питерской зимы. Выпавший накануне снег лежал повсюду нарядными белыми подушками, а небо было такое пронзительно лазурное, что захватывало дух. Солнечные лучи били со всей силы и, преломляясь от сосулек и снежинок, рассыпались разноцветными искорками.

Я почувствовала тревогу – казалось, что непременно надо сделать что-то хорошее в такой хороший день, а что именно, я не знала.

Тут на крыльцо вышел невысокий стройный человек в расстегнутом пуховике и не по сезону светлых джинсах.

Вглядевшись в его худощавое нервное лицо, я поняла, что мы виделись за обедом, и, кажется, нас даже представили друг другу, но мужчина не произвел на меня никакого впечатления, и я была уверена, что это взаимно. Кому интересна нищая подружка, пусть даже очень симпатичная?

Но неожиданно мужчина подошел ко мне и, улыбаясь, сказал, что хозяева тут имеют привычку почитать после обеда, а он считает преступлением сидеть в четырех стенах в столь погожий день. Мы немного посмеялись, представив, будто дом моей подружки – это замок спящей красавицы, а потом отправились гулять в парк, располагавшийся сразу через дорогу. Несмотря на воскресенье и прекрасную погоду, в парке почему-то было очень мало людей – хотя дом находился в элитном поселке, жителям которого не было нужды прогуливаться в общественном месте. Нас окружали высокие ели с толстыми снежными лапами, и стало немножко страшно, будто мы из сказки про спящую красавицу попали в ту, где идет речь о Гензеле и Гретель.

Но тут нам открылись заснеженная гладь Финского залива и полоса прибрежного камыша. Золотистая сухая трава тихо шелестела, и мы остановились, вглядываясь в даль, где бликовал под ярким солнцем купол Кронштадтского морского собора. За нами был высокий и крутой склон с укатанной дорожкой, и, переглянувшись, мы поднялись на него и съехали, вместо санок используя куртку моего спутника. У подножия склона он меня поцеловал, и от неожиданности я сначала ответила и только через несколько секунд нашла силы отпрянуть.

Потом помогла ему отряхнуть куртку, поправила воротник, и мы вернулись в дом. Кажется, за всю прогулку не было сказано ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.